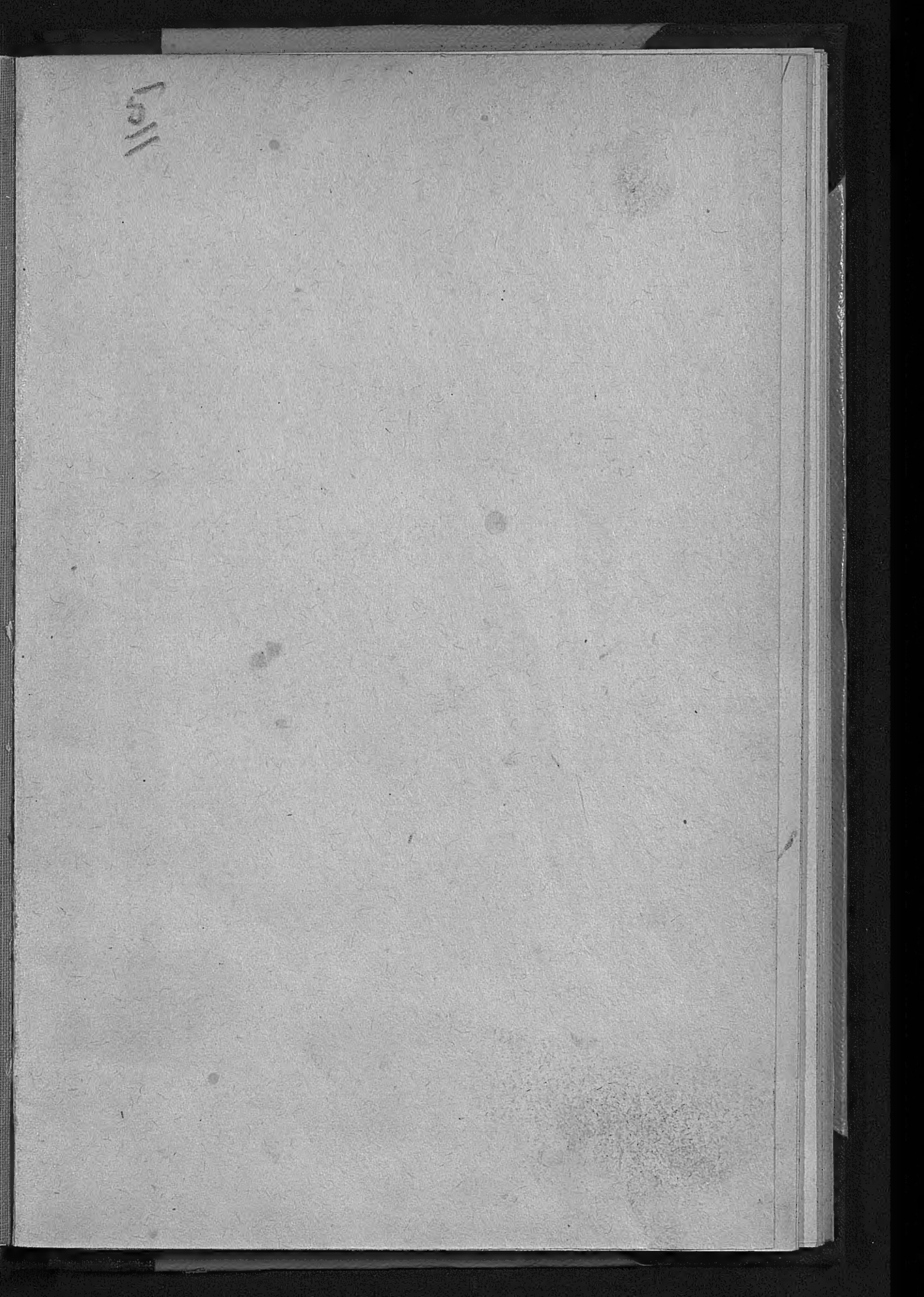
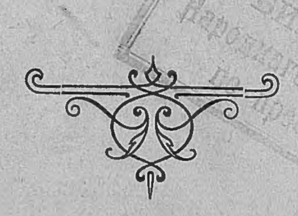

ПОЛЬСКАЯ АВТОНОМІЯ и СЛАВЯНСКАЯ ИДЕЯ.

А. А. Сидоровъ.

КІЕВЪ.
Типографія И. И. Чоколова, Фундуклеевская ул., № 22.
1908.

Вполнѣ естественно и понятно стремленіе отдѣльныхъ народовъ къ политической независимости. Естественно, что и среди полякозъ съ конца 18 вѣка, когда распалось польское королевство, возникло выражающееся, смотря по обстоятельствамъ, то сильнѣе, то слабѣе, стремленіе къ возстановленію польскаго государства. Это стремленіе съ давнихъ поръ проявляется въ двухъ видахъ: одни изъ польскихъ руководителей стремятся къ немедленному возстановленію независимой Польши, а другіе хотятъ достигнуть этой цѣли постепенно, временно довольствуясь автономіей польскихъ областей въ тѣхъ государствахъ, къ которымъ принадлежатъ эти области, и даже на первое время удовлетворяясь введеніемъ польскаго языка въ администрацію, судъ и школу, но съ тѣмъ, чтобы потомъ перейти къ автономіи, а отъ автономіи къ независимости. Русско-японская война въ связи съ революціоннымъ движеніемъ въ Россіи

подняла польскія требованія, усилила стремленія къ независимости однихъ и къ автономіи —другихъ. Посыпались прокламаціи, взывающія къ возстановленію польскаго государства „отъ моря до моря", начался рядъ демонстрацій во имя независимости Польши. „Благодаря японцамъ,—писалъ членъ нашей Академіи Наукъ полякъ Бодуэнъ-де-Куртенэ, пріобрѣвшій себѣ печальную извѣстность искаженіемъ „Толковаго Словаря" Даля,—время ужасно измѣнилось. Теперь мы смѣло говоримъ о польскомъ равноправіи, *требуемъ автономіи*. Теперь требуемъ и домогаемся, а раньше мы были должны довольствоваться попрошайничествомъ и вытираніемъ угловъ въ прихожихъ у министровъ и у другихъ сановниковъ" *). А одинъ изъ польскихъ общественныхъ дѣятелей членъ второй Государственной Думы Стецкій говоритъ въ своемъ проектѣ автономіи Польши, что неудачный для поляковъ исходъ возстанія 1863 г. надолго придавилъ польскую мысль, которая воспрянула въ 1905 г. и обратилась сначала къ возстановленію независимой Польши, а затѣмъ къ автономіи **). При открытіи первой Государственной Думы польскіе члены ея огласили особое заявленіе, въ которомъ требовали широкой автономіи для Царства Польскаго,

---

*) „Autonomja Polski", Краковъ, 1907 г., стр. 3.

**) „W sprawie autonomji Królestwa Polskiego", Краковъ, 1907 г.

ссылаясь на постановленія вѣнскаго конгресса 1815 года. Во вторую Думу поляками былъ внесенъ подробно выработанный проектъ автономіи Польши. Въ первую сессію третьей Думы поляки не поднимали вопроса объ автономіи потому, что „большинство Думы занимаетъ явно враждебное положеніе по отношенію къ (польскимъ) автономистскимъ требованіямъ". Это объясненіе принадлежитъ польскому думскому лидеру Дмовскому и приведено въ недавно вышедшей на польскомъ языкѣ его книгѣ „Германія, Россія и польскій вопросъ" (Львовъ, 1908 г. стр. 129). Но, какъ видно изъ той-же книги, польскіе автономисты считаютъ своихъ противниковъ въ Россіи „слабыми" (стр. 130) и потому не отступаютъ отъ своихъ прежнихъ желаній (стр. 131) и не теряютъ надежды на удовлетвореніе этихъ желаній. Но теперь они ужъ не ссылаются на вѣнскій трактатъ 1815 г., не надѣются осуществить свои стремленія, опираясь на „кадетовъ" и на болѣе лѣвые русскіе элементы, какъ это было во время первой и второй Думы. Относясь въ настоящее время критически къ „кадетамъ" и вполнѣ рѣзко къ болѣе лѣвымъ элементамъ, партія г. Дмовскаго хочетъ обосновать теперь свою критику обрусительной политики и свои автономистскія стремленія на славянской идеѣ. Она приняла живое участіе въ возродившемся въ послѣднее время славянскомъ движеніи, которое выразилось въ пріѣздѣ въ Петербургъ „славянскихъ гостей", въ славянскомъ совѣщаніи въ Прагѣ

и въ проектѣ устроить славянскую выставку въ Москвѣ. Какъ видно изъ книги г. Дмовскаго, служащей польскимъ комментаріемъ къ возродившемуся славянскому движенію, поляки рѣшили использовать это движеніе для осуществленія проекта автономіи Царства Польскаго. Г. Дмовскій называетъ въ своей книгѣ вопросъ о предоставленіи автономіи Привислинскому краю дѣломъ крайней и неотложной важности и доказываетъ, что съ разрѣшеніемъ этого вопроса связаны судьбы Россіи, поляковъ, всего славянства и Германіи.

Но что-же г. Дмовскій понимаетъ подъ автономіей, за которую онъ высказывается, и подъ обрусительной политикой, противъ которой онъ возстаетъ? Подъ автономіей онъ разумѣетъ не мѣстную хозяйственную автономію, не мѣстное городское и земское самоуправленіе общегосударственнаго типа, какъ иногда понимается мѣстная автономія, а широкую политическую автономію съ самостоятельнымъ сеймомъ въ Варшавѣ и съ замѣной правительственныхъ учрежденій, судовъ и учебныхъ заведеній въ Привислинскомъ краѣ, включая въ него и Холмскую Русь, особыми польскими. Обрусительною же политикою онъ называетъ не только стремленіе обратить поляковъ въ русскихъ, каковой задачи русская политика себѣ никогда въ общемъ не ставила (если и были увлеченія этого рода, то единичныя и скоропреходящія), но и русскую національную политику, имѣющую цѣлью

воспитать поляковъ русскими гражданами и преслѣдующую цѣли государственнаго объединенія.

На дѣлѣ, разумѣется, между этими двумя системами большая разница: обрусительная, подобно германизаторской, стремится поглотить польскую народность, а національно-объединительная требуетъ отъ поляковъ лишь соблюденія условій русской государственности, не посягая на ихъ народность. Къ сожалѣнію, г. Дмовскій забываетъ въ своей книгѣ эту общеизвѣстную разницу и прибѣгаетъ къ подмѣну одного понятія другимъ.

II.

Книга г. Дмовскаго заслуживаетъ того, чтобы на ней подробно остановиться: она написана по адресу русскихъ, о чемъ г. Дмовскій упоминаетъ въ предисловіи къ ней. Вѣроятно, эта книга скоро появится въ русскомъ переводѣ, а во всякомъ случаѣ русская печать, большая часть органовъ которой доступна польскому воздѣйствію, будетъ знакомить съ нею русскую публику, извлекая изъ нея доводы въ пользу стремленій г. Дмовскаго и его партіи. И несомнѣнно, что по камертону этой книги будутъ говорить польскіе ораторы въ Государственной Думѣ, съ возобновленіемъ засѣданій которой поляки намѣрены теперь, послѣ петербургскихъ и пражскихъ славянскихъ торжествъ, чаще, чѣмъ въ прошлую сессію, выдвигать свои desiderata.

Но съ г. Дмовскимъ во многомъ нельзя согласиться, и многое въ его книгѣ вызываетъ возраженія. Возражать однако на эту книгу нелегко — не потому, что фактическій матеріалъ, на которомъ

авторъ строитъ свои выводы, богатъ и точенъ, и не потому, что его доводы развиваются съ побѣждающей логической послѣдовательностію, а какъ разъ наоборотъ—по той причинѣ, что и фактическій матеріалъ его, и его умозаключенія страдаютъ многими изъянами: факты вгоняются въ рамки партійной программы, интересамъ партіи приносятся въ жертву требованія логики. И чтобы разобраться въ этой мозаикѣ противорѣчій, преувеличеній и умолчаній, которой пестритъ книга г. Дмовскаго, нужно много терпѣнія и труда.

Для примѣра отмѣчу слѣдующія бросающіяся въ глаза противорѣчія:

1) На 2-й стр. своей книги г. Дмовскій заявляетъ, что послѣ неудачнаго для поляковъ исхода возстанія 1863 г. и пораженія Германіей Франціи въ 1870 г. *„польское дѣло въ глазахъ самихъ поляковъ было окончательно похоронено"*, а на стр. 11-й, говоря о томъ-же времени и утверждая, что польскій вопросъ считался тогда Россіей, Пруссіей и Австріей „окончательно рѣшённымъ, какъ международный вопросъ, и даже казался близкимъ къ рѣшенію, какъ внутренній вопросъ этихъ государствъ", добавляетъ: *„не казался онъ такимъ единственно самимъ полякамъ"*. Въ первомъ случаѣ г. Дмовскій говоритъ, что въ началѣ 70-ыхъ годовъ 19 в. поляки считали самихъ себя окончательно погребенными, во второмъ противоположное. Которое-же изъ этихъ двухъ противоположныхъ,

исключающихъ взаимно одно другое утвержденій, г. Дмовскій считаетъ вѣрнымъ?

2) На 33-й стр. г. Дмовскій пишетъ, что принятая Россіей послѣ 1864 г. въ отношеніи Привислинскаго края программа „вела исключительно къ разрушительной дѣятельности“, и затѣмъ неоднократно повторяетъ это, увѣряя, что русское управленіе Польшей ведетъ ее къ разоренію и пониженію ея культурнаго уровня. Но извѣстно, что въ основу принятой Россіей въ отношеніи привислинскихъ губерній съ 1864 г. программы, выработанной Ю. Ф. Самаринымъ и Н. А. Милютинымъ, была положена крестьянская реформа 1864 г., и на 223 стр. книги „Германія, Россія и польскій вопросъ“ г. Дмовскій говоритъ: „Благодѣтельную реформу (крестьянскую) принесъ 1864 г. Отъ этой-то даты начинается *новѣйшее общественное развитіе всего польскаго народа*“. И дальше: эта реформа „создала здоровый и многочисленный крестьянскій слой, имѣющій *сильную экономическую опору* и предназначенный служить основаніемъ равновѣсія общественныхъ отношеній въ краѣ“, и „была сильнымъ стимуломъ прогресса на этомъ полѣ (народнаго просвѣщенія)“ (стр. 225—6), а на 265 стр. сказано, что въ Привислинскомъ краѣ послѣ 1864 г. „быстро росла новая промышленность“. Итакъ, вела-ли русская политическая программа, принятая въ Польшѣ съ 1864 г., только къ разрушенію и разоренію, или-же, наоборотъ, она принесла „благодѣтельную реформу“, возро-

дила польскій народъ, создала „здоровый и многочисленный крестьянскій слой“, явившійся основой культурныхъ и экономическихъ успѣховъ края?

3) Г. Дмовскій увѣряетъ, что принятая Россіей въ отношеніи окраинъ политика создана и проводится въ *интересахъ „всевластной бюрократіи“* и поэтому поводу говоритъ на 33-ей стр., что эта политика вытекаетъ изъ „жадности чиновничьей толпы“, а на 69-ой стр., что въ интересѣ чиновничества „лежитъ политика захватовъ внутреннихъ и внѣшнихъ, отдающая съ одной стороны всѣ должности въ нерусскихъ областяхъ русскимъ—это руссификація окраинъ, а съ другой направленная къ новымъ захватамъ, къ созданію новыхъ аренъ для чиновничьихъ карьеръ“, но затѣмъ оказывается, что эта политика поддерживается очень широкими *общественными* кругами: „трудно ожидать,—пишетъ на 206 стр. г. Дмовскій,—измѣненія взглядовъ на польскій вопросъ и вообще на вопросъ объ окраинахъ не только отъ бюрократіи, но и отъ очень широкихъ круговъ русскаго общества: по установившемуся въ этихъ кругахъ убѣжденію все, что обнимаютъ границы русскаго государства, составляетъ собственность русскаго народа, добытую его кровью“. Слѣдовательно, г. Дмовскій не отдаетъ себѣ отчета въ томъ, является-ли русская національная окраинная политика дѣломъ рукъ только „всевластной бюрократіи“ и чиновничества, жаждущаго мѣстъ на окраинахъ, или-же она диктуется очень широ-

кими общественными кругами, и въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ – одно, а въ другомъ — противоположное, причемъ получается тѣмъ болѣе рѣзкое противорѣчіе, что г. Дмовскій въ своей книгѣ не разъ усиленно подчеркиваетъ, что въ Россіи „всевластная бюрократія“ и чиновничество идутъ совершенно въ разрѣзъ съ обществомъ и народомъ.

III.

Однимъ изъ главныхъ преувеличеній въ книгѣ г. Дмовскаго является его оцѣнка вліянія Пруссіи и нѣмцевъ на Россію и русскихъ вообще и въ частности по отношенію къ польскому вопросу. Что Россія, къ сожалѣнію, подчинялась вліянію Пруссіи въ своей внѣшней политикѣ, и что во внутренней жизни Россіи играла и играетъ до сихъ поръ извѣстную роль „нѣмецкая партія“, - это общеизвѣстный фактъ, но утверждать, какъ это дѣлаетъ г. Дмовскій, что Россія и русское общество неизмѣнно шли въ своихъ отношеніяхъ къ полякамъ на нѣмецкомъ буксирѣ —это, разумѣется, значитъ впадать въ явное, не имѣющее подъ собой почвы преувеличеніе.

Въ самомъ дѣлѣ, сказалось-ли нѣмецкое вліяніе на Россію и русскихъ въ главнѣйшіе моменты русско-польскихъ отношеній, начиная со временъ раздѣловъ Польши до настоящаго времени, и если сказалось, то въ какой мѣрѣ? Самъ г. Дмовскій соглашается съ тѣмъ, что Россія по третьему раз-

дѣлу Польши получила только тѣ земли, которыя ей были необходимы для укрѣпленія и выпрямленія ея границъ и притомъ этнографически не польскія (стр. 30). Россія вернула тогда себѣ западно-русскія земли, изъ-за которыхъ у нея съ Польшей происходила вѣковая борьба. Видѣть въ этомъ подчиненіе Россіи нѣмецкому вліянію, разумѣется, нельзя. Можно было-бы усмотрѣть нѣмецкое вліяніе въ томъ, что Россія не ограничилась включеніемъ въ свои владѣнія западно-русскихъ земель, а согласилась на уступку Австріи и Пруссіи польскихъ земель, но возможно-ли было для Россіи не допустить тогда расшатанную Польшу до полнаго распаденія, и была-ли она въ силахъ воспрепятствовать переходу подъ власть Австріи и Пруссіи этнографически польской территоріи польскаго государства, особенно при томъ условіи, что поляки, считая главной виновницей раздѣловъ Польши Россію, направили остріе революціоннаго движенія, вызваннаго раздѣлами Польши, главнымъ образомъ, противъ Россіи? Согласиться на уступку Пруссіи и Австріи польскихъ областей заставила Россію необходимость и невозможность другого рѣшенія, а не подчиненіе нѣмецкому вліянію.

Нѣтъ никакой возможности видѣть слѣды нѣмецкаго вліянія на польской политикѣ императора Александра I, создавшаго автономное Царство Польское и предоставившаго полякамъ въ западныхъ губерніяхъ широкій просторъ съ признаніемъ за ними господствующаго положенія въ этихъ губер-

ніяхъ, но нѣтъ слѣдовъ этого вліянія и на Карамзинѣ, который находилъ польскую политику императора Александра I ошибочной. Поляки отвѣтили на эту политику возстаніемъ 1830 года. Россіи оставалось одно: опереться въ западныхъ губерніяхъ на русскихъ, а не на полякахъ, что было ея прямой обязанностью и раньше, какъ русскаго государства, и сильнѣе скрѣпить Царство Польское съ остальными частями Россіи путемъ болѣе прочнаго государственнаго объединенія. Основаніемъ того положенія, которое занимали поляки въ Россіи въ царствованіе императора Александра I, была надежда на ихъ благодарность Россіи за „воскресеніе Польши", какъ выражались тогда объ установленіи автономнаго Царства Польскаго, и за предоставленіе имъ широкой національной свободы въ западныхъ губерніяхъ. Послѣ возстанія 1830 года такой надежды не могло быть, и довѣріе къ полякамъ было подорвано, что и высказалъ императоръ Николай I въ своей варшавской рѣчи 1833 года: „Я знаю, господа, что вы хотите мнѣ сказать,—отвѣтилъ онъ тогда явившейся къ нему польской депутаціи,—я знаю содержаніе вашей рѣчи, но я не желаю чтобы она была мнѣ сказана, чтобы избавить васъ отъ лжи. Да, господа, чтобы избавить васъ отъ лжи, ибо я знаю, что ваши чувства не таковы, какимъ вы желаете заставить меня повѣрить. И какъ могъ-бы я повѣрить вамъ, если вы говорили мнѣ то-же самое наканунѣ революціи?

Не вы-ли сами говорили мнѣ 5 лѣтъ тому назадъ, 8 лѣтъ тому назадъ о вѣрности и преданности и увѣряли меня самымъ усерднымъ образомъ въ привязанности? Черезъ нѣсколько дней вы нарушали ваши клятвы". Изъ этой потери довѣрія къ полякамъ, а не изъ нѣмецкаго вліянія, вытекла политика императора Николая I въ отношеніи поляковъ. Во главѣ управленія Царствомъ Польскимъ императоромъ Николаемъ I былъ поставленъ кн. Паскевичъ, который къ нѣмецкой партіи не принадлежалъ, къ нѣмцамъ, какъ это видно изъ его переписки, не питалъ расположенія и окружалъ себя русскими. И тутъ опять не видно немѣцкаго вліянія. Когда-же императоръ Николай I и Паскевичъ умерли, императоръ Александръ II отвѣтилъ согласіемъ на польскіе хлопоты объ автономіи Царства Польскаго и объ уступкахъ польскому націонализму въ западныхъ губерніяхъ. Бисмаркъ, о чемъ онъ упоминаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ и на что ссылаетея г. Дмовскій, опасался этого поворота въ польской политикѣ Россіи, полагая, что этими уступками Россія можетъ привязать къ себѣ поляковъ, и что это сближеніе русскихъ съ поляками усилитъ панславистское движеніе. Но онъ ошибся: этотъ опытъ завершился не русско-польскимъ сближеніемъ, а возстаніемъ 1863 г. Рѣшимость Россіи произвести этотъ опытъ шла въ разрѣзъ съ желаніями Бисмарка, когда-же опытъ не удался, Россіи снова не оставалось ничего болѣе, какъ вернуться къ національной политикѣ,

испытанной послѣ 1831 года, но это рѣшеніе было принято не въ угоду Бисмарку, а въ силу необходимости, и руководителями объединительной политики въ Польшѣ становятся такіе далекіе отъ нѣмецкой партіи люди, какъ Ю. Ф. Самаринъ, Н. А. Милютинъ и кн. Черкасскій, противъ которыхъ интригуетъ видный членъ тогдашней нѣмецкой партіи въ Россіи гр. Ф. Ф. Бергъ, этотъ „австрійскій генералъ", какъ называлъ его кн. Паскевичъ. Итакъ, нѣмецкое вліяніе сказалось не въ возвращеніи Россіи къ объединительной политикѣ по отношенію къ полякамъ, а въ противодѣйствіи глубокимъ планамъ Ю. Ф. Самарина и Н. А. Милютина, имѣвшимъ цѣлью создать въ Польшѣ „здоровый и многочисленный крестьянскій слой" и этимъ путемъ возродить ее въ славянскомъ духѣ. И это не единственный случай солидарности прибалтійскихъ нѣмцевъ съ польской шляхтой и совмѣстнаго противодѣйствія русской національной политикѣ, но подъискать факты, подтверждающіе предположеніе о подчиненіи русскихъ нѣмецкому вліянію въ нашихъ отношеніяхъ къ полякамъ,— нелегко и доказывать это вліяніе можно только, прибѣгая къ рискованнымъ натяжкамъ.

Извѣстно, правда, что нѣмцы оказали вліяніе на русское дѣло въ Польшѣ въ 1875 году при возсоединеніи холмско-подляшскихъ уніатовъ съ православіемъ. Это восприсоединеніе было задумано и подготовлено русскими, но въ 1875 году власть въ Привислинскомъ краѣ оказалась

въ рукахъ нѣмца генералъ-губернатора ген. Коцебу и его ближайшаго сотрудника Пфеля. Вопреки мнѣнію тогдашняго варшавскаго православнаго архіепископа Іоанникія Коцебу и Пфель ускорили восприсоединеніе уніатовъ и произвели его съ нѣмецкой чиновничьей безсердечностью, вслѣдствіе чего получилось много такъ называемыхъ упорствующихъ. Но въ этомъ случаѣ, повидимому, сказался не нѣмецкій маккіавелизмъ, не затаенное стремленіе обострить русско-польскія отношенія, которое г. Дмовскій приписываетъ нѣмецкому вліянію въ польскомъ вопросѣ, а желаніе отличиться и нѣмецкій чиновничій бездушный формализмъ, и изъ этого одного эпизода нельзя дѣлать обобщающихъ выводовъ.

Что касается царствованія императора Александра III, которое было временемъ усиленнаго развитія русской національной политики въ Польшѣ, то самъ г. Дмовскій согласенъ, что въ это царствованіе въ Россіи „явно-антинѣмецкая политика беретъ верхъ“ и приводитъ Россію къ союзу съ Франціей (стр. 66). Это, конечно, противорѣчитъ мысли г. Дмовскаго, будто-бы русская національная политика въ отношеніи поляковъ, на дѣлѣ преслѣдовавшая общеславянскія цѣли и вовсе не служившая нѣмцамъ, была результатомъ нѣмецкаго вліянія. Самъ г. Дмовскій замѣчаетъ это противорѣчіе и пробуетъ выйти изъ него слѣдующимъ образомъ: 1) поляки держали себя послѣ 1864 года слишкомъ боязливо и пассивно и „при

такихъ условіяхъ обрусительная политика дѣлала дальнѣйшіе успѣхи безъ тренія, а русскому правительству нечего было заботиться о соглашеніи съ поляками, такъ какъ оно не видѣло въ нихъ силы и считало, что гораздо скорѣй укрѣпится въ краѣ путемъ его руссификаціи" (стр. 68); 2) „въ то время окончательно сложилось среди многочисленныхъ элементовъ (русскихъ) понятіе о государствѣ, какъ объ организаціи, доставляющей доходъ русскимъ на счетъ другихъ народностей", и „понимаемый такъ русскій патріотизмъ смотрѣлъ на Польшу исключительно, какъ на поле постоянно увеличивающагося числа чиновничьихъ должностей для русскихъ и съ завистью относился къ каждому куску хлѣба, съѣдаемому полякомъ; всякая-же политика примиренія съ поляками, послѣдствіемъ которой было-бы удаленіе извѣстнаго числа русскихъ съ должностей въ Польшѣ, была-бы въ его глазахъ измѣной русскому дѣлу" (стр. 69 и 70).

IV.

По поводу этихъ объясненій г. Дмовскаго надо напомнить ему, что въ началѣ царствованія императора Александра III на ряду съ усиленіемъ въ Россіи антинѣмецкаго теченія русскими дѣлались попытки „примиренія“ съ поляками. Для примѣра можно вспомнить нашумѣвшія тогда рѣчи Скобелева въ Парижѣ и Варшавѣ. Напомню и то, что въ Варшаву пріѣзжалъ въ то время покойный В. В. Комаровъ и велъ переговоры съ польскими дѣятелями. Моментъ казался особенно благопріятнымъ, когда на познанскую епископскую кафедру вмѣсто поляка былъ назначенъ нѣмецъ Диндеръ, что вызвало большое волненіе среди поляковъ и вспышку ненависти къ нѣмцамъ. Въ Варшавѣ возникла польская газета „Хвиля“ подъ редакціей В. Пржиборовскаго, отстаивавшая ту-же точку зрѣнія, на которой теперь стоитъ г. Дмовскій, т. е. что необходимо русско-польское сближеніе въ интересахъ всего славянства для совмѣстной борьбы противъ нѣмцевъ. Но съ одной стороны большинство

поляковъ не раздѣляло тогда этой точки зрѣнія, а съ другой поляки, готовые принять этотъ взглядъ, требовали отъ Россіи за цѣну русско-польскаго сближенія уступокъ, которыхъ она не могла сдѣлать безъ ущерба существеннымъ интересамъ народа и государства.

Дѣло было вовсе не въ чиновничьихъ должностяхъ для русскихъ въ Польшѣ. На государственной службѣ въ Россіи, если взять процентное отношеніе русскаго и польскаго населенія, относительно гораздо больше поляковъ, чѣмъ русскихъ. Не трудно было бы перемѣстить русскихъ чиновниковъ изъ Польши внутрь Россіи и на Востокъ на мѣста, занимаемыя тамъ поляками, а послѣднихъ направить въ Польшу. Стремленіе къ „примиренію“ съ поляками разбилось о требованія поляковъ, чтобы Россія отступила отъ основъ своей національной политики.

Невѣрно и утвержденіе г. Дмовскаго, что Россія не считалась съ поляками въ царствованіе Императора Александра III, потому что поляки вели себя тогда будто-бы „слишкомъ боязливо и пассивно“, Поляки держали себя „пассивно“ съ 1864 г. до 1879 г. Въ 1879 г. съ одной стороны начинается въ Россіи революціонное движеніе, въ которомъ принимаютъ участіе и поляки, а съ другой къ тому времени въ Австріи поляки достигаютъ соглашенія съ „короной“, и въ Галиціи открывается рядъ антирусскихъ демонстрацій, которыя Австрія поощряетъ въ надеждѣ имѣть на своей сторонѣ въ

случаѣ войны съ Россіей, какъ своихъ, такъ и русскихъ поляковъ. Въ первой половинѣ 80-хъ годовъ не только происходятъ эти демонстраціи, но и усиливается польская пропаганда въ Холмщинѣ, вызываетъ много шума столкновеніе виленскаго католическаго епископа Гриневецкаго, родственника убійцы императора Александра II Гриневецкаго, съ виленскимъ генералъ-губернаторомъ, происходятъ крупные безпорядки въ институтѣ сельскаго хозяйства въ Новой Александріи (люблинской губ.) и въ варшавскомъ университетѣ, причемъ избивается попечитель учебнаго округа, въ Варшавѣ возникаетъ революціонное общество „Пролетаріатъ", которое дѣйствуетъ ужъ вовсе не „боязливо" и не „пассивно". А къ концу 80-хъ годовъ, когда на германскій престолъ вступаетъ императоръ Вильгельмъ II и ищетъ сближенія съ поляками, въ Познани появляется польская „придворная" партія съ Косцельскимъ и архіепископомъ Стаблевскимъ во главѣ. Эта партія вербуетъ себѣ сторонниковъ и среди русскихъ поляковъ, и съ польской стороны опредѣленно заявляется, что въ случаѣ войны Россіи съ Германіей поляки будутъ на сторонѣ нѣмцевъ, съ которыми они связаны общностью западно-европейской цивилизаціи, а не на сторонѣ русскихъ азіатовъ. Въ 1890 году польскіе соціалисты, преемники „Пролетаріата" начала 80-хъ годовъ, производятъ крупные рабочіе безпорядки въ Лодзи, придавая этимъ безпорядкамъ характеръ польской національной демонстра-

ціи, въ 1891 г. въ Варшавѣ демонстративно празднуется память такъ называемой конституціи 3 мая, затѣмъ происходятъ на антирусской почвѣ безпорядки въ кѣлецкой семинаріи, и въ Варшавѣ устраивается демонстрація передъ домомъ колбасника Килинскаго, потомка сапожника Килинскаго, подъ руководствомъ котораго были вырѣзаны русскіе въ Варшавѣ 1794 г. А въ 1894 году во Львовѣ состоялась костюшковская выставка въ память Костюшки, носившая явно антирусскій характеръ, и по поводу ея было выпущено множество брошюръ для народа съ призывами къ возстанію противъ Россіи.

Если поляки и держали себя въ 80-хъ и въ первой половинѣ 90-хъ годовъ 19 в. услужливо, „боязливо и пассивио“ по отношенію Австріи и Пруссіи, то по отношенію Россіи ихъ образъ дѣйствій былъ воинственнымъ и задорнымъ. Такимъ образомъ, утвержденіе г. Дмовскаго, что Россія слѣдовала въ царствованіе императора Александра III національной политикѣ въ отношеніи поляковъ, потому что они вели себя слишкомъ скромно и тихо, оказывается измышленіемъ, а не основаннымъ на фактахъ выводомъ.

V.

Но авторъ книги „Германія, Россія и польскій вопросъ“, доказывая подчиненіе нѣмецкому вліянію России и русскихъ въ польскомъ вопросѣ, много говоритъ о вліяніи Германіи на Россію въ послѣднія 14 лѣтъ, т. е. въ самомъ концѣ 19 и въ началѣ 20 вѣка. Перехожу къ этому времени.

Г. Дмовскій полагаетъ, что Германія единственное государство въ Европѣ, которое теперь находится „въ періодѣ быстраго роста могущества“ (стр. 50) и которому „болѣе чѣмъ какому-либо другому государству тѣсно въ его границахъ“ (стр. 50), и что поэтому оно ведетъ экспансивную и вызывающую политику. Убѣдившись въ прочности и силѣ русско-французскаго союза и ища поддержки для своей колоніальной политики противъ Англіи, императоръ Вильгельмъ II, по словамъ г. Дмовскаго сталъ стремиться къ сближенію съ Россіей и Франціей (стр. 83). Тутъ на помощь ему явилось обращеніе Россіей взоровъ въ началѣ нынѣшняго царствованія на Азію. Германія рѣшаетъ поддерживать стремленіе Россіи въ Азію и убѣждать Рос-

сію въ необходимости дѣйствовать въ Азіи за одно съ ней противъ Англіи. Совмѣстныя дѣйствія Россіи и Германіи въ Азіи, стремленіе Германіи парализовать въ Австріи значеніе поляковъ, занявшихъ тамъ исключительно вліятельное положеніе въ министерство поляка Бадени и, наконецъ, обезпокоившее Пруссію усиленіе польскаго національнаго движенія съ половины 90-хъ гг. 19 в.—съ одной стороны, а съ другой увлеченіе Россіи азіатскими дѣлами, ея стремленіе не допустить Австрію сдѣлаться центромъ славянства, чѣмъ она могла-бы стать, по мнѣнію г. Дмовскаго, если-бы Бадени дольше остался у власти, и опасенія Россіи, вызванныя оживленіемъ польскаго движенія,—вотъ почва, по увѣренія г. Дмовскаго, на которой состоялось сближеніе Россіи съ Германіей въ послѣдніе годы 19 вѣка. Но эта нарисованная г. Дмовскимъ картина невѣрно и узко воспроизводитъ недавно пережитую нами дѣйствительность. Движеніе Россіи въ Азію—старое историческое движеніе, связанное съ именами Ермака, Строгановыхъ, Хабарова, Дежнева, постройка же сибирской ж. д., которая не могла не оживить этого движенія была рѣшена въ 1891 г., когда, по словамъ того-же г. Дмовскаго, Германія не имѣла вліянія на Россію, а мысль о постройкѣ этой ж. д. возникла болѣе 40 лѣтъ тому назадъ. Нельзя отрицать, что Германія стремилась использовать въ своихъ цѣляхъ оживленіе нашего движенія на Дальній Востокъ; допустимъ, что подъ ея вліяніемъ были совершены

нами нѣкоторыя ошибки на Дальнемъ Востокѣ, но нельзя объяснять наше увлеченіе дальне-восточными дѣлами вліяніемъ Германіи. Притомъ слѣдуетъ замѣтить, что поляки охотно принимали замѣтное участіе въ новѣйшемъ движеніи Россіи въ Азію: во главѣ восточно-китайской ж. д. оказался полякъ Кербедзъ, окруженный польскимъ штабомъ, и гр. Витте, игравшій видную роль въ дальне-восточной политикѣ, всегда охотно окружавшій себя поляками и долгое время привлекавшій къ себѣ польскія надежды, широко пользовался услугами поляковъ въ дальне-восточныхъ дѣлахъ. Польская печать разныхъ оттѣнковъ во второй половинѣ 90-хъ годовъ 19 в. сочувственно относилась къ русскому движенію въ Азію и находила, что благодаря постройкѣ сибирской дороги и укрѣпленію Россіи на берегахъ Тихаго Океана, торговое значеніе Варшавы возрастаетъ, и что по тѣмъ-же причинамъ поднимется промышленность въ Привислиньѣ. Впослѣдствіи стало извѣстно, что наканунѣ войны кое-кто изъ поляковъ бывалъ въ Японіи, что тамъ велись какіе-то переговоры. Въ русской печати документально были разоблачены сношенія финляндскихъ дѣятелей съ Японіей. Относительно польскихъ дѣятелей нѣтъ подробныхъ документальныхъ разоблаченій, но сношенія ихъ съ японцами несомнѣнны.

Интересно также отмѣтить, что во второй половинѣ 90-хъ годовъ въ русской печати самымъ усерднымъ глашатаемъ русско-польскаго примире-

нія были „Петерб. Вѣд.“, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ пылко отстаивали дальне-восточную политику, и редакторъ которыхъ кн. Ухтомскій состоитъ директоромъ русско-китайскаго банка. Какъ велико было вліяніе Германіи на дальне-восточную политику Россіи—это во всякомъ случаѣ еще не разъясненный вопросъ, видное-же участіе поляковъ въ нашихъ дальне-восточныхъ дѣлахъ несомнѣнно.

Любопытно было бы знать, на чемъ г. Дмовскій основываетъ свое предположеніе, что сближеніе Россіи съ Германіей послѣдовало подъ впечатлѣніемъ образа дѣйствій Бадени, когда онъ былъ министромъ-президентомъ въ Австріи? Сомнительно, чтобы г. Дмовскій былъ въ состояніи привести такія данныя, но есть весьма вѣскія данныя, совершенно опровергающія предположеніе г. Дмовскаго о томъ, что сближеніе Россіи съ Германіей состоялось въ виду усиленія польскаго національнаго движенія, и что стремленіе не допустить возрожденія польскаго вопроса было „узломъ, опять связавшимъ ихъ (русское и прусское правительства) на почвѣ польскаго вопроса“. Ясно, что если бы это предположеніе было вѣрно, то Россія, какъ и Пруссія, была-бы должна вести антипольскую политику. А между тѣмъ какъ въ Пруссіи послѣ нѣкоторыхъ уступокъ полякамъ, сдѣланныхъ въ началѣ царствованія императора Вильгельма II, съ 1894 г. началась явно антипольская политика, послѣдовательно дошедшая до вопроса объ отчужденіи польскихъ земель, въ русской политикѣ съ 1894 г., на-

оборотъ, стало ярко просвѣчивать стремленіе смягчить пріемы ея въ отношеніи поляковъ, „не раздражать“ ихъ и установить новый modus vivendi съ ними, удовлетворяя польскія желанія, насколько они явно не противорѣчатъ основамъ государственнаго объединенія. Г. Дмовскій не отрицаетъ этого поворота въ польской политикѣ Россіи, говоритъ о возникновеніи въ Варшавѣ въ половинѣ 90-хъ годовъ „примирительной партіи“ (стр. 86) и упоминаетъ о томъ, что новое теченіе въ польской политикѣ Россіи совпало по времени съ ея сближеніемъ съ Германіей (стр. 219), но считаетъ, что для удовлетворенія поляковъ Россія должна была дать имъ автономію, а не ограничиваться „нѣкоторымъ смягченіемъ тона и назначеніемъ нѣсколько дипломатизирующихъ генералъ-губернаторовъ“ (стр. 85).

Опять-таки приходится спросить, въ чемъ-же выразилось подчиненіе Россіи вліянію Германіи въ ея отношеніяхъ къ полякамъ съ половины 90-хъ годовъ 19 в. до начала японской войны? Этого вліянія совсѣмъ не видать. Напротивъ, сближеніе Россіи съ Германіей совпало по времени, что подтверждаетъ самъ г. Дмовскій, съ „смягченіемъ тона“ со стороны Россіи по отношенію къ полякамъ, и это „смягченіе тона“, можно завѣрить г. Дмовскаго, произошло внѣ всякой связи съ характеромъ внѣшнихъ отношеній Россіи къ Германіи которая не оказала и тутъ вліянія на русско-польскія отношенія.

Обращаясь ко времени войны съ Японіей и по-

слѣ войны, г. Дмовскій повторяетъ ходившій одно время слухъ, что Германія склоняла Россію въ 1905—1907 г.г. не предоставлять полякамъ автономію. „Трудно имѣть данныя,—пишетъ онъ,—показывающія, какимъ образомъ оказывалось вліяніе изъ Берлина на польскую политику Россіи въ послѣднее время, но это вліяніе несомнѣнно: если-же со стороны Германіи не требовалось большаго напряженія энергіи, то потому что это вліяніе встрѣтило благодарную почву и такого могущественнаго союзника, какъ русская бюрократія и ея интересы. И мы знаемъ навѣрное, что въ августѣ 1907 г. въ Свинемюнде польскій вопросъ былъ однимъ изъ главныхъ предметовъ разговора (стр. 154).... Заявленіе кн. Бюлова, сдѣланное въ 1907 г. въ германскомъ парламентѣ, что германское правительство не вмѣшивается въ польскій вопросъ въ Россіи, какъ во внутреннее дѣло сосѣда, слѣдуетъ разсматривать единственно, какъ актъ дипломатическаго приличія. Если-бы даже въ видахъ берлинскаго правительства лежало оффиціальное признаніе относительно такого вмѣшательства, то вѣдь Россія не считаетъ себя еще государствомъ въ родѣ Турціи, и русско-германскія отношенія не выиграли-бы отъ обсужденія дѣлъ Царства Польскаго въ рейхстагѣ такъ, какъ обсуждается македонскій вопросъ. Русская бюрократія можетъ губить Россію и толкать ее на уровень Турціи, но она никогда не переставала заботиться о декорумѣ величія и могущественнаго положенія великой державы“ (стр. 155).

У меня нѣтъ секретныхъ свѣдѣній о дипломатическихъ тайнахъ, какими, повидимому, располагаетъ г. Дмовскій, но независимо отъ того были или не были тайные дипломатическіе переговоры о Польшѣ въ 1905—1907 годахъ, позволительно думать, что Россія въ эти годы не могла предоставить Польшѣ автономію въ собственныхъ интересахъ. 1905 и 1906 годы были годами открытаго возстанія Польши противъ Россіи, длиннаго ряда убійствъ русскихъ и анархіи. Въ такое время всѣ государства прибѣгаютъ къ помощи военнаго положенія. Это во первыхъ, а во вторыхъ Россія могла-бы дать Польшѣ автономію, если-бы она рѣшила это сдѣлать, только по собственному желанію, а не подъ натискомъ мятежа. Этого требуетъ національное достоинство Россіи, и даже извѣстный декабристъ Пестель (котораго, конечно, нельзя заподозрить въ шовинизмѣ), считавшій необходимымъ возстановить Польшу подъ покровительствомъ Россіи, находилъ, что это возстановленіе можетъ послѣдовать „не черезъ собственное отторженіе Польши отъ Россіи, но черезъ правильную сдачу россійскимъ временнымъ верховнымъ правленіемъ губерній, предназначенныхъ къ отдѣленію въ составъ польскаго государства, новому польскому правительству“ *). Въ 1907 г., какъ за-

---

*) „Русская Правда, наказъ временному верховному правленію“, С.-Пб. 1908 г. стр. 18.

мѣчено выше, поляки надѣялись провести законъ объ автономіи Польши черезъ Думу, опираясь на „кадетовъ“, о которыхъ г. Дмовскій пишетъ въ своей книгѣ, что среди нихъ слишкомъ большую роль играютъ евреи (стр. 114), и на болѣе лѣвые элементы, которые г. Дмовскій характеризуетъ теперь, какъ анархическіе. Неужели-же можно говорить, что болѣе правые элементы второй думы не сочувствовали автономіи Польши подъ нѣмецкимъ вліяніемъ? Въ большинствѣ 3-ей Думы г. Дмовскій не находитъ сторонниковъ польской автономіи, чѣмъ и объясняетъ то обстоятельство, что поляки до сихъ поръ не внесли проекта автономіи Польши въ 3-ю Думу. Неужели-же большинство 3-й Думы покорные слуги нѣмцевъ и Германіи.?

Русскіе противники автономіи Польши нашего времени, конечно, руководятся интересами Россіи, а не Германіи, какъ и Карамзинъ, протестовавшій въ началѣ 19 в. противъ польской политики императора Александра I, имѣлъ въ виду русскіе, а не германскіе интересы, и въ своемъ большинствѣ настолько политически воспитаны, что стоятъ внѣ постороннихъ политическихъ вліяній.

VI.

Непомѣрно преувеличивая вліяніе Германіи и нѣмцевъ на Россію и русскихъ, г. Дмовскій сильно преувеличиваетъ и трудность положенія, въ которомъ теперь находится Россія. Онъ считаетъ это положеніе прямо безъисходнымъ. „Невозможно, дѣйствительно, предвидѣть выходъ изъ положенія, въ которомъ оказалось государство (Россія),—пишетъ онъ. И трудность положенія вовсе не сводится къ политическому кризису, которымъ теперь страдаетъ Россія. Независимо отъ него эта трудность—послѣдствіе историческаго развитія этого государства,—развитія, которое въ разныхъ направленіяхъ быстро шло по пути, кончающемуся положеніемъ безъ выхода“ (стр. 167). Онъ характеризуетъ историческую жизнь Россіи, какъ внѣшній ростъ при внутреннемъ застоѣ. Вслѣдствіе этого, по мнѣнію г. Дмовскаго, въ жизни Россіи наросло много вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ „превосходитъ силы правительства и народа“ (стр. 169). Изъ этихъ вопросовъ важнѣйшіе: крестьянскій и

окраинный, и каждый изъ нихъ, по словамъ г. Дмовскаго, „можетъ поставить въ безвыходное положеніе самое могущественное государство“. Крестьянская община тормазитъ сельско-хозяйственный прогрессъ, создаетъ воспріимчивую почву для крайняго соціализма, и вслѣдствіе этого, съ одной стороны податная платежеспособность крестьянства совершенно ослаблена, а съ другой въ то время, какъ въ другихъ странахъ, крестьяне являются здоровымъ консервативнымъ элементомъ, русскіе крестьяне настроены революціонно.

Одну половину населенія Россіи, по статистикѣ г. Дмовскаго, составляютъ революціонно-настроенные и голодные крестьяне, а другую—инородцы *). Русскій народъ слишкомъ „слабъ численно, культурно и нравственно“, чтобы ассимилировать инородцевъ, которые, не получая удовлетворенія своимъ національнымъ требованіямъ, „будутъ ослаблять государство и радоваться его несчастьямъ“ (стр. 173).

Но, — заявляетъ г. Дмовскій — „увеличивающіяся недомоганія Россіи вслѣдствіе нездороваго направленія, по которому шло ея государственное развитіе, вовсе не ограничиваются этими двумя вопросами (крестьянскимъ и окраинымъ)“ (стр. 176).

Современное положеніе Россіи сверхъ этихъ вопросовъ осложняется системой централизма, обо-

---

*) Инородцы составляютъ въ Россіи не половину населенія, а 31%. А. С.

3

стреніемъ еврейскаго вопроса, разложеніемъ церкви, революціонными теченіями въ интеллигенціи, истощеніемъ центра государства и плачевнымъ состояніемъ финансовъ. „Въ этихъ условіяхъ, - по заключенію г. Дмовскаго,—государство должно катиться по наклонной плоскости въ ожиданіи новыхъ внѣшнихъ и внутреннихъ катастрофъ, которыя опять встряхнутъ имъ въ его основаніяхъ, можетъ быть, съ болѣе страшными результатами, чѣмъ послѣдняя. Ибо если безотвѣтственная бюрократія, руководящая изъ центра всѣмъ до мельчайшихъ подробностей управленіемъ этого громаднаго государства, достигла такихъ результатовъ, какъ нынѣшніе, если эта бюрократія вела государство въ столькихъ направленіяхъ къ положенію безъ выхода, то теперь послѣ потрясеній, которыя испытало государство, она еще менѣе будетъ способно выполнить свою задачу, даже, если-бы удался планъ поверхностнаго обновленія образа правленія, который по существу своему не выполнимъ.“ (стр. 204—205) Нынѣшнее успокоеніе Россіи г. Дмовскій находитъ непрочнымъ и кратковременнымъ.

Крестьянскій вопросъ не разрѣшимъ, и въ лучшемъ случаѣ требуется слишкомъ много времени, чтобы русскаго крестьянина, этого голоднаго дикаря—коммуниста, по характеристикѣ г. Дмовскаго, перевоспитать въ спокойнаго и культурнаго собственника—консерватора. Изъ окраиннаго вопроса г. Дмовскій указываетъ, какъ на выходъ, на предо-

ставленіе національно - политической автономіи всѣмъ народностямъ и прежде всего полякамъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчаетъ: въ отвѣтъ на это предложеніе „съ русской стороны мы часто слышимъ, что разно-народное, не цѣльное государство никогда не можетъ быть такимъ сильнымъ, какъ государство, въ которомъ безраздѣльно господствуетъ одинъ народъ. *Было-бы фальшью опровергать это утвержденіе*“ (Стр. 299) Слѣдовательно, г. Дмовскій рекомендуетъ для разрѣшенія окраиннаго вопроса средство, которое, по его же мнѣнію, еще болѣе ослабитъ и безъ того ослабленную и расшатанную Россію.

Если-бы нарисованная г. Дмовскимъ картина была вѣрна, если-бы имъ не были сгущены краски, если-бы изъ его поля зрѣнія не ускользали многіе факты прошлаго и настоящаго, свидѣтельствующіе о жизненной силѣ Россіи и русскихъ, наше положеніе было-бы, дѣйствительно, безвыходнымъ. И при такомъ положеніи Россіи не стоило-бы и говорить объ участіи Россіи въ борьбѣ съ германскимъ міромъ, потому что, какое-же значеніе могло бы имѣть въ этой борьбѣ совершенно распадающееся государство? Да и можно-ли было-бы надѣяться на побѣду славянства, на что надѣеться г. Дмовскій, если-бы главный и сильнѣйшій членъ славянской семьи находился въ такомъ безъисходномъ положеніи и былъ наканунѣ своего паденія?

Но, очевидно, г. Дмовскій не вполнѣ увѣренъ въ безъисходности положенія Россіи и въ бли-

зости ея неизбѣжной гибели. На 208-й стр. онъ даетъ Россіи нѣкоторый срокъ: „конечно, Россія сразу не погибнетъ, потому что большія государственныя зданія внезапно не разрушаются: съ рутиной бюрократическаго правленія можно еще нѣкоторое время просуществовать.“

Г. Дмовскій, вѣроятно, считаетъ это „нѣкоторое время“ довольно продолжительнымъ, потому что въ противномъ случаѣ трудно было бы надѣяться на побѣду славянскаго міра надъ германскимъ.

Къ чему-же г. Дмовскій до невѣроятности преувеличиваетъ затруднительность положенія Россіи: дѣлаетъ-ли онъ это bona fide, не умѣя разобраться въ явленіяхъ русской жизни, ошибочно ставя въ связь нѣкоторыя новѣйшія явленія русской жизни съ основными теченіями русской исторіи и неумышленно представляя эти теченія въ невѣрномъ видѣ, или-же онъ прибѣгаетъ къ преувеличенію въ расчетѣ запугать насъ безъисходностью для Россіи ея настоящаго положенія и, пользуясь нашей запуганностью, заставить насъ поступиться нашими основными интересами.

VII.

Рѣжущія глаза противорѣчія и преувеличенія составляютъ отличительную черту не одной книги г. Дмовскаго, о которой идетъ рѣчь, а всѣхъ произведеній всепольской національно-демократической партіи, однимъ изъ руководителей которой состоитъ г. Дмовскій. На это обращали вниманіе и многіе польскіе публицисты. Одинъ изъ нихъ Фельдманъ объясняетъ эти противорѣчія и преувеличенія тѣмъ, что источникомъ всепольскаго движенія является острое чувство боли о разбитой и раздѣленной Польшѣ, и что сильныя чувства нарушаютъ законы логики. *) На ряду съ противорѣчіями и преувеличеніями въ книгѣ г. Дмовскаго есть и существенныя умолчанія, значительно измѣняющія освѣщеніе тѣхъ вопросовъ, которыхъ онъ касается.

Напримѣръ: преувеличивая до крайности нѣмецкое вліяніе на Россію и русскихъ, въ то-же время г. Дмовскій совершенно умалчиваетъ о нѣ-

*) „Krytyka“, rocznik IV. Томъ II, стр. 73.

мецкомъ вліяніи на поляковъ, сильно сказавшемся на ихъ отношеніяхъ къ Россіи и русскимъ.

Какъ извѣстно, долгое время въ Польшѣ епископатъ былъ нѣмецкій, города управлялись на нѣмецкій образецъ по магдебургскому праву, ремесленники и мѣщане были нѣмцы. Были у поляковъ и короли нѣмецкой (саксонской) династіи. Въ подготовкѣ послѣ второго раздѣла Польши движенія противъ Россіи, во главѣ котораго былъ Костюшко, игралъ видную роль прусскій резидентъ въ Варшавѣ. Затѣмъ, на политическое настроеніе поляковъ предъ возстаніемъ 1830 года пользовался большимъ вліяніемъ историкъ и публицистъ Іоахимъ Лелевель, по происхожденію прусскій нѣмецъ. Въ 1840 – 60 годахъ цѣлый рядъ нѣмцевъ, главнымъ образомъ, сыновей тѣхъ нѣмцевъ, которые явились въ Варшаву въ качествѣ прусскихъ чиновниковъ, когда въ 1795 г. Варшава отошла къ Пруссіи, выдвинулся въ польской журналистикѣ и литературѣ, и не явились-ли главнѣйшими дѣятелями по подготовкѣ возстанія 1863 г. Юргенсъ, Рупрехтъ и другіе нѣмцы? Всѣ эти нѣмцы, чуждые славянскаго чувства, на почвѣ котораго мы могли-бы сойтись съ поляками, толкали ихъ противъ насъ. И развѣ руководители всепольской партіи не подчинялись нѣмецкому вліянію и не служили видамъ пангерманской политики въ 80 и 90 годахъ 19 в. и въ началѣ 20 вѣка, возстановляя поляковъ противъ Россіи? Главный органъ всепольской партіи „Всепольское обозрѣніе“ писалъ

въ 1902 г. (2-е полугодіе, стр. 125): „Въ хорошихъ или дурныхъ, или даже въ очень дружественныхъ отношеніяхъ Австрія съ Россіей, во всякомъ случаѣ въ ея интересѣ, чтобы поляки были враждебно настроены къ Россіи. Враждебное отношеніе поляковъ къ Россіи является главной причиной измѣненія отношенія австрійскаго правительства къ польской народности въ Галичинѣ. Этому враждебному своему отношенію къ Россіи поляки обязаны всѣми уступками и милостями австрійскаго правительства“. Понимая это и зная, что Австрія идетъ по указываемому изъ Берлина пути въ своей внѣшней политикѣ, руководители всепольской партіи дѣлали все, что могли, чтобы разжечь въ полякахъ ненависть къ Россіи и русскимъ, не останавливались даже передъ призывами къ вооруженному возстанію поляковъ противъ Россіи.

Второе весьма важное умолчаніе въ книгѣ г. Дмовскаго—это умолчаніе о поддержкѣ всепольской партіей террора, о призывахъ ея къ вооруженному возстанію. Теперь г. Дмовскій упрекаетъ русскихъ „кадетовъ“ въ томъ, что они „не съумѣли явственно отграничиться отъ крайне революціонныхъ элементовъ“ (стр. 113), а какъ держалъ себя самъ г. Дмовскій со своими сторонниками, когда во второй Думѣ былъ возбужденъ вопросъ объ осужденіи террора? Отвѣчу словами такого безпристрастнаго наблюдателя, какъ проф. Герье. Останавливаясь на рѣчи Стаховича, законченной словами: „шумите, но помните, господа, что если

Государственная Дума не осудитъ политическихъ убійствъ, она совершитъ его надъ собою",—Герье говоритъ: „Долгъ историка заставляетъ насъ коснуться еще слѣдующей рѣчи, раздавшейся, какъ рѣзкій диссонансъ. Это была рѣчь польскаго депутата Дмовскаго, одно изъ проявленій той политической безтактности или близорукости, которыя такъ нерѣдко замѣчаются въ исторіи Польши. Д. Дмовскій объяснилъ, что „мы, поляки 15 мая принадлежали къ тому большинству, которое уклонилось отъ преній по осужденію политическихъ убійствъ" *). Теперь г. Дмовскій заявляетъ въ своей книгѣ, что русскія и еврейскія революціонныя организаціи старались вызвать въ Польшѣ анархію и терроръ въ 1904—1906 годахъ (стр. 117), но всеполяки, по увѣренію г. Дмовскаго, остановили это движеніе (стр. 119) путемъ устройства польскихъ національныхъ мирныхъ манифестацій и протестовъ противъ русской школы и употребленія русскаго языка въ гминахъ, придавъ, такимъ образомъ, движенію польско-патріотическій и чуждый террора характеръ.

Но если обратиться къ польской консервативной печати того времени, о которомъ говоритъ г. Дмовскій, то въ ней мы найдемъ жалобы на органы всепольской печати за то, что всеполяки покровительствовали террору, а также указанія на то,

*) „Вторая Государственная Дума" В. Герье. Москва 1907 г. стр. 324.

что всеполяки стали останавливать терроръ слишкомъ поздно. Они выступили противъ террора только тогда, когда, по ихъ мнѣнію, терроръ достаточно напугалъ Россію, когда они рѣшили, что больше нѣтъ въ немъ надобности для ихъ цѣлей, и когда вмѣстѣ съ тѣмъ терроръ, направленный первоначально противъ Россіи и русскихъ, выродился въ жестокій разгулъ, жертвами котораго стали падать и поляки. А польскіе соціалисты обвиняютъ всеполяковъ въ томъ, что они, борясь за власть съ соціалистами, широко пользовались убійствами, какъ орудіемъ борьбы, что въ теченіе полугода всеполяками убито въ Лодзи до 500 соціалистовъ, причемъ, по словамъ послѣднихъ, всеполяки не останавливались даже предъ убійствами дѣтей и женъ соціалистовъ.

Пусть соціалисты преувеличиваютъ, но могла-ли партія, взывавшая въ теченіе многихъ лѣтъ къ вооруженному возстанію, осуждать терроръ? Въ своей книгѣ „Германія, Россія и польскій вопросъ" г. Дмовскій называетъ возстаніе 1863 года *послѣднимъ*, заключительнымъ актомъ вооруженной борьбы польскаго народа и нѣсколько разъ повторяетъ, что польскій народъ нашелъ новый способъ борьбы, исключающій путь возстаній, (напр. стр. 224), и что польская политика не вернется къ прежнимъ ошибкамъ, не пойдетъ „по пути повстанскихъ порывовъ" (стр. 246). Но что-же дѣлала всепольская партія съ 1886 года, когда она возникла, до послѣдняго времени'

какъ не взывала къ возстанію? Однимъ изъ первыхъ шаговъ партіи было учрежденіе „Народной Казны“ (Skarb Narodowy) и сборы пожертвованій на эту „казну“. На что именно собирались эти деньги? На этотъ вопросъ отвѣчаютъ воззванія „Польской Лиги“ и изданная въ Парижѣ въ 1887 году брошюрка Z. F. M. (Милковскаго) „Объ активной оборонѣ и народной казнѣ“. „Поляки—солдаты, — говорилось въ этой брошюрѣ, умираютъ подъ русскими знаменами. Не лучше-ли было-бы для нихъ и для польскаго дѣла, если-бы они погибали въ борьбѣ за Польшу?“ Когда всеполяки въ 1891 г. выпустили въ Варшавѣ воззваніе, призывавшее къ безпорядкамъ, и варшавскіе газеты и журналы напечатали не безъ вліянія варшавской администраціи заявленіе, осуждающее это воззваніе, всеполяки ворвались въ редакціи и избили редакторовъ, помѣстившихъ это заявленіе, причемъ были пущены въ ходъ палки. Напоминаю г. Дмовскому эту палочную расправу въ виду часто повторяемыхъ имъ фразъ о высокой польской культурѣ и о культурныхъ средствахъ борьбы всеполяковъ. — Въ длинной цѣпи польско-патріотическихъ демонстрацій, начиная съ 1891 по 1904 годъ, причемъ мальчишки кололи булавками казачьихъ лошадей и обливали сѣрной кислотой русскихъ за посѣщеніе русскаго театра, виднѣлась всепольская рука, и на эти демонстраціи „всеполяки“ смотрѣли, какъ на подготовку къ возстанію, какъ на воспитаніе въ народѣ „дисциплины“, необходимой ко времени общена-

роднаго возстанія. Какимъ путемъ можно возстановить Польшу,- спрашивало „Всепольское обозрѣніе“ въ 1900 году.- „Исторія и здравый смыслъ,— отвѣчалъ журналъ на свой вопросъ,—подсказываютъ что безъ вооруженной борьбы нельзя представить себѣ возстановленія Польши“ (мартъ, стр. 135). Нѣсколько лѣтъ подъ рядъ „Всепольское Обозрѣніе“ настойчиво пропагандировало борьбу съ Россіей „кровью и желѣзомъ“, предлагало даже формировать въ Англіи и Японіи польскіе легіоны. Для простонародья всеполяки издавали въ Галиціи журналъ „Полякъ,“ ни одинъ № котораго не обходился безъ призывовъ къ возстанію; въ „народныхъ университетахъ“, организованныхъ всеполяками въ Галиціи, упорно раздавались эти призывы, издавалось много народныхъ брошюръ, посвященныхъ прославленію героевъ возстаній и взывавшихъ къ новому возстанію. Всеполяки искали удобнаго момемента, чтобы поднять возстаніе. Первоначально они считали такимъ моментомъ общеевропейскую войну, которую съ нетерпѣніемъ выжидали, а затѣмъ обратили свои надежды на русскую революцію и Японію. Моментъ настал: Россія стала терпѣть пораженія отъ японцевъ, внутри ея начались безпорядки, отчасти поддерживаемые поляками,—и въ Польшѣ поднялось возстаніе.

Г. Дмовскій не хочетъ называть возстаніемъ революціонное движеніе въ Польшѣ 1904—1906 годовъ, но чѣмъ-же это движеніе разнится отъ возстанія 1863 г.? Тотъ-же терроръ, даже еще боль-

шій. Тѣ-же ограбленія казенныхъ кассъ, въ которыхъ хранились деньги. Правда, въ 1863 году повстанскимъ отрядамъ старались придать военную организацію да и всей борьбѣ хотѣли придать видимость войны двухъ армій, а теперь дѣйствовали вполнѣ по-партизански, но и теперь образовывались вооруженныя шайки въ лѣсахъ. Стало меньше лѣсовъ, было и меньше такихъ шаекъ, но за то гораздо больше бомбометателей. Какъ въ 1863 г., такъ и теперь ядромъ движенія была городская чернь, какъ тогда, такъ и теперь движеніе то и дѣло принимало анархическій характеръ, какъ тогда, такъ и теперь изъ черни нанимались убійцы.

Г. Дмовскій говоритъ о широкомъ участіи крестьянъ въ польскомъ движеніи 1904—1906 гг. и ссылается на крестьянскій съѣздъ въ Варшавѣ. Въ 1862 г. то-же былъ подобный съѣздъ, и въ „похоронахъ 5 жертвъ“, бывшихъ однимъ изъ отправныхъ фактовъ польскаго революціоннаго движенія 60-хъ годовъ, принимала участіе крестьянская депутація.

Былъ моментъ въ 1863 г. (лѣтомъ), когда крестьяне были близки къ тому, чтобы принять участіе въ возстаніи. Вполнѣ вѣроятно, что участіе крестьянъ въ послѣднемъ польскомъ движеніи было больше, чѣмъ въ 1863 году, и, несомнѣнно, что въ этотъ разъ движеніе было болѣе демократическимъ, такъ какъ съ 1863 г. польская шляхта демократизировалась, и въ Польшѣ усилился го-

родской классъ, но между движеніемъ 60-хъ годовъ и нынѣшнимъ было много общаго, и если называть возстаніемъ движеніе 60-хъ годовъ, то настоящее движеніе тоже вполнѣ заслуживаетъ этого названія.

Теперь, когда выяснилось, что возстаніе 1904—1906 годовъ, не приняло такихъ широкихъ размѣровъ, какіе рисовались единомышленникамъ г. Дмовскаго, и когда это возстаніе подавлено, г. Дмовскій старается сложить всю отвѣтственность за анархію и терроръ въ Польшѣ на русское правительство, русскихъ и еврейскихъ революціонеровъ и польскихъ соціалистовъ и скромно умалчиваетъ о терроризаціи Польши всеполяками, о подготовкѣ вооруженнаго возстанія ими, о поддержкѣ ими террора.

VIII

Блуждая среди всѣхъ этихъ противорѣчій, преувеличеній и умолчаній г. Дмовскій приходитъ къ выводу, что Россія, какъ въ интересахъ своей внѣшней политики, такъ и внутренней жизни, должна предоставить автономію Привислинскому краю. „Въ зависимости отъ этого (т. е. отъ того, предоставитъ-ли Россія автономію Привислинскому краю или нѣтъ), пишетъ г. Дмовскій,—Россія можетъ быть могущественнымъ государствомъ и первостепеннымъ факторомъ международной политики, или-же постепенно разлагающейся организаціей, не способной къ самостоятельной внѣшней политикѣ, все болѣе служащей германскимъ интересамъ, наконецъ, кто знаетъ, быть можетъ осужденной на то, чтобы со временемъ сдѣлаться дѣйствительно великорусскимъ государствомъ, т. е. съуженнымъ до предѣловъ великорусскаго племени“ (стр. 211).

По мнѣнію, г. Дмовскаго, Россіи слѣдуетъ предоставить автономію Польшѣ прежде всего для

того, чтобы имѣть опору въ полякахъ противъ Германіи.

Г. Дмовскій старается внушить русскимъ, что если Польшѣ не будетъ дана автономія, то Россія погибнетъ подъ напоромъ германской волны. Но что, если настаивая теперь на автономіи и получивъ ее, г. Дмовскій и его партія потребуютъ затѣмъ еще большихъ уступокъ отъ Россіи, снова угрожая Германіей? Вѣдь самъ г. Дмовскій на 248 стр. своей книги удостовѣряетъ, что польскій народъ живетъ идеей будущаго соединенія всѣхъ частей Польши, и что „полякъ воленъ лелѣять идею народнаго объединенія и независимой государственности". А если такъ, то польскія требованія могутъ разростаться очень широко вплоть до признанія Польши вполнѣ независимой. Г. Дмовскій не считаетъ теперь возможнымъ распространить польскую автономію на западныя губерніи, но полагаетъ, что культурный перевѣсъ въ этихъ губерніяхъ на сторонѣ поляковъ, и заявляетъ, что „они не могутъ отказаться отъ вліянія на мѣстную жизнь" (стр. 261). Гдѣ-же увѣренность въ томъ, что закрѣпивъ автономію Привислинскаго края и расширивъ ее, быть можетъ, до предѣловъ полной независимости Польши, партія г. Дмовскаго не пожелаетъ присоединенія къ Польшѣ западныхъ губерній, ради чего поляки возставали въ 1830 и въ 1893 г., и не при-

грозитъ намъ переходомъ на сторону Германіи, если мы окажемся несговорчивыми?

Это—съ одной стороны, а съ другой, еслибы на мѣстѣ Германіи находилось государство, къ которому польскій народъ естественно тяготѣлъ, то Россіи слѣдовало-бы стремиться отвлечь поляковъ отъ Германіи, но самъ г. Дмовскій завѣряетъ, что главнѣйшій врагъ поляковъ—Германія и нѣмцы. Германская политика, какъ справедливо утверждаетъ г. Дмовскій, -- направлена противъ славянъ и прежде всего противъ поляковъ. Если такъ, то независимо отъ того, предоставитъ Россія полякамъ автономію или нѣтъ, политическій смыслъ долженъ подсказать имъ, что имъ нельзя быть на сторонѣ нѣмцевъ. „Государство, находящееся въ такихъ условіяхъ,—говоритъ г. Дмовскій о современной Россіи, потерявшей флотъ во время войны и разоренной войной и революціей,—должно въ ближайшемъ будущемъ исключить всякую возможность новой войны. Вслѣдствіе-же того, что война является для дипломатовъ крайнимъ аргументомъ, у этого государства нѣтъ возможности вести какую-либо самостоятельную, сильную и смѣлую внѣшнюю политику, оно теряетъ положеніе великой державы, и его интересы должны уступать интересамъ другихъ державъ“ (стр. 115).

Но отъ предоставленія Привислинскому краю автономіи, не выростетъ у Россіи флотъ, и она экономически не процвѣтетъ? Если-же Россія не

можетъ вести активной политики и войны, то по мнѣнію г. Дмовскаго, и Германія, у которой и безъ того теперь много хлопотъ съ поляками, вовсе не собирается въ ближайшемъ будущемъ отвоевать у насъ Привислинскій край, и ограничивается теперь стремленіемъ экономически подчинить себѣ Россію. Съ этимъ нельзя не согласиться, но почему-же партія г. Дмовскаго, видящая въ Германіи главнаго врага, какъ и наши „кадеты", въ послѣднее время сильно ополчающіеся на Германію, дѣлала $2^1/_2$ года тому назадъ, когда заключался послѣдній торговый договоръ съ Германіей, все возможное, чтобы этотъ договоръ былъ возможно выгоденъ для Германіи?

„Кадеты" не проявляли тогда патріотическаго чувства, и всепольская партія съ г. Дмовскимъ во главѣ не заявляла, что поляки стоятъ на сторонѣ экономическихъ интересовъ Россіи. И „кадеты", и всеполяки стремились тогда только къ тому, какъ бы подорвать силу и значеніе правительства, которое вело переговоры съ Германіей. Г. Струве указалъ на крупную ошибку нашего „освободительнаго движенія", которое ради партійныхъ интересовъ жертвовало національными, общегосударственными. Относительно всеполяковъ въ данномъ случаѣ слѣдуетъ сказать, что они то же ради своихъ партійныхъ цѣлей жертвовали интересами всей Россіи, своего народа и славянства. Но изъ того, что ближайшая задача Германіи экономическое подчиненіе себѣ Россіи

слѣдуетъ, что Россіи необходимо развивать свои культурныя и экономическія силы на всемъ своемъ пространствѣ, включая и Привислинскій край, но вовсе не вытекаетъ неизбѣжность предоставленія Польши автономіи. Автономія Польши тутъ ни причемъ, а необходимъ подъемъ производительныхъ силъ страны, къ чему дѣятельно стремился гр. Витте, но безъ того духа спекуляціи, который поддерживался при Витте, и въ національномъ, а не въ еврейско-космолитическомъ направленіи. Слабъ и аргументъ г. Дмовскаго въ пользу автономіи, заключающійся въ томъ, что Россія оттолкнетъ отъ себя все славянство, если не предоставитъ политической автономіи Привислинскому краю. Дѣятели славянства не могутъ не понять, что русская *національная* политика, какъ политика славянскаго народа, не можетъ преслѣдовать цѣлей, враждебныхъ славянству. Авторы политики проводившейся40 лѣтъ въ Польшѣ были извѣстные славянофилы (Ю. Ф. Самаринъ, кн. Черкасскій и близко подходившій къ нимъ по своимъ воззрѣніямъ Н. А. Милютинъ), а не германофилы. Эти люди избрали путь болѣе тѣсной связи Россіи съ Польшей, чѣмъ чрезъ посредство автономіи, и на то у нихъ были вѣскія причины. Теперь хотятъ обвинить старое славянофильство въ грубомъ русскомъ національномъ эгоизмѣ и, смѣшно сказать, въ служеніи бюрократизму и въ ненависти къ полякамъ. Кому-же, какъ не одному изъ отцовъ славянофильства, Хомякову, принадлежатъ слова о русско-польской розни:

Потомства племеннымъ проклятьямъ
Да будетъ преданъ тотъ, чей гласъ
Противъ славянъ славянскимъ братьямъ
Мечи вручилъ въ преступный часъ?

Вступая на путь національной политики въ отношеніи поляковъ, на путь государственнаго объединенія, русскіе государственные дѣятели руководились не ненавистью къ полякамъ, а государственной необходимостью, не забывая при этомъ интересовъ славянства.

Русскіе обязаны во имя славянской идеи дѣлать всевозможное, чтобъ русско-польскія отношенія приняли дружественный характеръ, и эти отношенія могутъ быть такими при разныхъ формахъ политическаго сожительства. Славяне-же въ правѣ желать, чтобы мы искренно стремились жить въ дружбѣ съ поляками, но не могутъ указывать намъ, чтобы мы предоставили полякамъ автономію, если мы убѣждены, что она не улучшитъ, а ухудшитъ русско-польскія отношенія.

Оспаривать славянскія симпатіи Самарина, кн. Черкасскаго и Н. А. Милютина и заслуги Россіи передъ славянствомъ, врядъ-ли возможно, не противорѣча очевидности, а въ чемъ выражается славянскій характеръ всеполяковъ, и всепольской программы? Партія г. Дмовскаго, какъ уже замѣчено выше, связана многими нитями съ тѣмъ „демократическимъ“ теченіемъ, которое выдвинуло въ концѣ 18 вѣка Костюшко.

Это теченіе потомъ было формулировано Лелевелемъ и образовало польскую „демократическую партію“. Выше упоминалось о нѣмецкомъ вліяніи на польскихъ „демократовъ“, когда-же въ 1886 г. возникала нынѣшняя всепольская партія, почерпнувшая многое изъ движенія Костюшки и отъ Лелевеля, на основателей этой партіи оказали рѣшающее вліяніе два явленія: русское революціоное народничество и политика Бисмарка. Наше народничество обратило ихъ вниманіе на крестьянство и заставило искать опоры въ подходящихъ теченіяхъ польскаго прошлаго, а политика Бисмарка поразила ихъ тѣми успѣхами, которыя она дала Германіи, и они рѣшили, чтобы обезпечить успѣхъ Польшѣ, основать свою политическую программу на основахъ политики Бисмарка. „Сила выше закона“, „кровь и желѣзо“, „въ международныхъ отношеніяхъ нѣтъ справедливости и несправедливости, а есть только сила и слабость“. Эту послѣднюю фразу г. Дмовскій повторяетъ и въ своей послѣдней книгѣ (стр. 236), характеризуя программу всеполяковъ. „Появляются теоретики польскаго націонализма въ лицѣ Сигизмунда Балицкаго и Романа Дмовскаго,—говорится въ книгѣ „100 лѣтъ борьбы польскаго народа за свободу“, *)— создавшіе оригинальную доктрину

---

*) Москва 1907. Изданіе Подвинскаго. Стр. 202. Книга эта, повидимому, издана польскими соціалистами. А. С.

національнаго эгоизма, какъ высшаго принципа человѣческой этики. Культъ грубой силы, составляющей, по мнѣнію націоналъ-демократовъ, главный залогъ свободы и счастья націи, доходитъ у этихъ писателей до цинизма. Даже самое возмутительное насиліе и несправедливость находитъ у нихъ оправданіе, если они совершаются во имя счастья и могущества родины".

Такимъ образомъ, политическая мораль всепольской (націоналъ-демократической) партіи, является весьма жесткой и жестокой и притомъ заимствованной изъ нѣмецкаго источника. Болѣе консервативные польскіе элементы указывали всеполякамъ на то, что народу побѣжденному, какъ поляки, невыгодно выдвигать принципъ силы. На это всеполяки отвѣчали, что они вѣрятъ въ громадный запасъ національной силы польскаго народа. Теперь г. Дмовскій, отмѣчая успѣхи всеполяковъ въ Галиціи, Познани и Привислинскомъ краѣ, гдѣ всѣ три раза выборами въ Гос. Думу руководила всепольская партія, надѣется, опираясь на недавнее польское возстаніе и на принимаемое имъ за безспорную истину культурное превосходство поляковъ надъ русскими и спекулируя на ослабленіи Россіи, заставить Россію предоставить привислинскимъ губерніямъ политическую автономію. Много-ли въ этомъ спекулированіи на *ослабленіи* Россіи пониманія славянскихъ интересовъ? Много-ли сказалось этого пониманія въ возбужденіи всеполяками ихъ соотечественниковъ противъ Россіи

въ угоду Австріи, служащей въ своей внѣшней политикѣ, по ихъ-же словамъ, германскимъ цѣлямъ? Не было-ли бы ударомъ для поляковъ, если-бы надъ Россіей разразилась новая катастрофа, которую предсказываетъ г. Дмовскій? Не водворилась-ли бы опять въ Польшѣ анархія? А въ случаѣ исполненія пророчества г. Дмовскаго о гибели Россіи, подъ развалинами ея, конечно, погибли-бы и поляки.

IX

Много разъ повторяя, что русская националь-ная политика въ Польшѣ на руку Германіи, и что предоставленіе Привислинскому краю автономіи было-бы громаднымъ успѣхомъ славянства и сла-вянской идеи, г. Дмовскій говоритъ все это такимъ тономъ, точно имъ сдѣлано новое открытіе необы-чайной важности. А это открытіе сдѣлано давно, но не менѣе давно выяснилось, что это открытіе изъ числа тѣхъ многихъ, которыя рекламируются неудачливыми изобрѣтателями, но провѣрки и кри-тики не выдерживаютъ. Нынѣшнія мысли г. Дмов-скаго высказывалъ и польскій автономистъ 60-хъ годовъ 19 в. маркизъ Велепольскій, и извѣстный покойный русско-польскій писатель Спасовичъ въ своей книгѣ о маркизѣ Велепольскомъ и въ другихъ своихъ работахъ по русско-польскому во-просу, и многіе другіе польскіе писатели. Мысль, что Россіи выгодно дать полякамъ автономію, и что автономіей Россія можетъ привязать къ себѣ поляковъ, составляетъ одинъ изъ основныхъ

пунктовъ программы польской партіи „угодовцевъ", въ которой игралъ видную роль Спасовичъ и которая теперь называется партіей реальной политики. Всеполяки долго боролись съ „угодовцами", называя ихъ измѣнниками, и въ своей послѣдней книгѣ г. Дмовскій объвиняетъ „угодовцевъ" въ угодничествѣ русскому правительству и въ аристократизмѣ. но въ сущности нынѣшняя автономная программа г. Дмовскаго ничѣмъ не отличается отъ программы маркиза Велепольскаго, котораго „угодовцы" считаютъ своимъ родоначальникомъ. Сами „угодовцы," (реальные политики) съ которыми, кстати сказать, всеполяки вошли въ соглашеніе во время выборовъ въ 3-ю Думу, въ настоящее время считаютъ неумѣстнымъ настаивать на автономіи, находя болѣе тактичнымъ удовлетвориться меньшимъ, но и ихъ дальнѣйшая цѣль—автономія. Автономія на тѣхъ основаніяхъ, которыя приведены во внесенной въ I-ю Думу польской деклараціи смутила даже нашихъ „кадетовъ," столь легко и щедро поступающихся русскими государственными интересами, и Милюковъ („Рѣчь" 1906 г. № 63), заявилъ тогда, что поляки выводятъ автономію далеко за предѣлы, въ которыхъ обсуждался вопросъ о ней, и потому „лишаютъ своихъ друзей возможности поддерживать ихъ требованія въ полномъ размѣрѣ." При такомъ отношеніи даже „кадетовъ," къ всепольскимъ проектамъ автономіи, естественно, что болѣе трезвые поляки не надѣются на успѣхъ

этихъ проектовъ и потому готовы теперь довольствоваться меньшимъ.

Мысль о предоставленіи Польшѣ автономіи много разъ находила поддержку и сочувствіе среди русскихъ, находитъ она это сочувствіе и теперь. Лѣтомъ нынѣшняго года старѣйшій изъ нашихъ славянофиловъ почтенный А. А. Кирѣевъ высказывался за представленіе полякамъ полной національной свободы въ этнографической Польшѣ при условіи отказа ихъ отъ западныхъ губерній. Но поляки не отказываются отъ западныхъ губерній, да и могутъ отказаться только на словахъ, а не на дѣлѣ. Г. Дмовскій, отстаивая автономію только для привислинскихъ губерній, совѣтуетъ однако полякамъ западныхъ губерній сохранять свои позиціи, и для него является еще вопросомъ, русскіе или поляки одержатъ верхъ въ національной борбѣ въ западныхъ губерніяхъ. Нѣтъ возможности ни обрусить поляковъ въ западныхъ губерніяхъ, ни переселить ихъ въ предѣлы Привислинскаго края, и политику, которая задалась-бы подобными цѣлями, слѣдовало-бы назвать фантастической, ограниченіе-же поляковъ въ гражданскихъ правахъ въ западныхъ губерніяхъ и внутри Россіи безцѣльно и нежелательно. Вслѣдствіе этого въ случаѣ предоставленія такъ называемому Царству Польскому политической автономіи поляки были-бы въ Россіи — полноправными гражданами, а русскіе въ Царствѣ Польскомъ на положеніи безправныхъ иностранцевъ. Получи-

лась-бы явная несправедливость въ отношенiи русскаго народа, строителя государства. Токого рода несправедливость существуетъ въ русско-финляндскихъ отношенiяхъ, неужели-же повторить ее и въ русско-польскихъ? Затѣмъ, принадлежность Привислинскаго края Россiи облегчаетъ полякамъ широкое развитiе промышленности, открываетъ имъ рынки Восточной Россiи, Кавказа и Азiи, и даетъ имъ возможность прилагать свой культурный трудъ въ отдаленныхъ областяхъ Россiи, гдѣ они могутъ быть желанными роботниками на ряду съ русскими, удовлетвориться же ареной труда въ предѣлахъ Привислинскаго края по своей сравнительной многочисленности они не могутъ. Опять таки было-бы крайней несправедливостью, оставляя открытыми для поляковъ рынки и арены труда внѣ предѣловъ Привислинья, закрывать доступъ русскимъ въ Привислинскiй край, а этотъ доступъ былъ-бы закрытъ, если-бы Польша получила автономiю. Такимъ образомъ, за удобства и выгоды, предоставляемыя Россiей русскимъ полякамъ внѣ привислинскихъ губернiй, имъ приходится платиться извѣстнымъ сокращенiемъ въ Привислиньѣ нацiональной свободы, которое выражается въ отсутствiи нацiонально - политической автономiи. Наконецъ, важность стратегическаго положенiя привислинскихъ губернiй заставляетъ Россiю содержать тамъ громадную армiю, которая оказалась-бы въ очень затруднительномъ положенiи, если - бы все управленiе

краемъ было въ польскихъ рукахъ. Выше приведены выписки изъ польскихъ источниковъ объ отношеніи поляковъ къ Россіи и Австріи въ концѣ 19 и въ началѣ 20 вѣка. Если добавить, что идея о превращеніи Австріи въ западно-славянскую имперію съ тѣмъ, чтобы поляки играли въ ней первенствующую роль, въ противовѣсъ восточно-славянской Россіи, много разъ увлекала поляковъ, и допустить, что въ случаѣ извѣстныхъ политическихъ осложненій Германія обѣщаетъ полякамъ поддержать ихъ въ Австріи, то русская армія въ Польшѣ оказалась-бы совершенно обзсиленной въ странѣ, въ которой управленіе и желѣзныя дороги были-бы въ польскихъ рукахъ.

Недавно въ защиту польской автономіи выступилъ сен. Евреиновъ въ книгѣ „Національные вопросы на инородческихъ окраинахъ Россіи“ (С.П.Б. 1908 г.). Сен. Евреиновъ, какъ и г. Дмовскій, не различаетъ „руссификаторскую“ политику, стремящуюся обратить поляковъ въ русскихъ, какой русская политика по отношеніи поляковъ въ основѣ своей никогда не была, съ политикой государственнаго объединенія. Онъ увѣряетъ, что русская національная политика по польскому вопросу отличалась „характеромъ безпощадныхъ репрессалій“. „Что-бы опредѣлить размѣръ безправія поляковъ въ русской Польшѣ,—пишетъ онъ (стр. 23),—довольно указать на законъ, предоставляющій министру внутреннихъ дѣлъ право воспрещать всѣмъ и каждому пребываніе въ Царствѣ Польскомъ,—

на безраздѣльное господство полицейскаго начала въ управленіи, на сохраненіе до послѣдняго времени паспортныхъ стѣсненій, обусловленныхъ возстаніемъ“. Но развѣ эти репрессаліи составляютъ существенныя и неотъемлемыя черты русской національной политики? Развѣ она не можетъ обходиться безъ подобныхъ репрессалій? По мнѣнію сенатора Евреинова, „обладаніе Польшей для насъ не выгодно ни въ стратегическомъ, ни въ экономическомъ отношеніи“. (стр. 19). Это вполнѣ вѣрно, но предоставивъ Польшѣ автономію, развѣ избавится Россія отъ экономическихъ и стратегическихъ невыгодъ, представляемыхъ Польшей? Вѣдь и въ случаѣ предоставленія Привислинскому краю автономіи, въ этомъ краѣ въ виду его пограничнаго положенія было-бы необходимо содержать крѣпости и громадную армію. Нѣкоторые русскіе консерваторы (Шараповъ Иловайскій), также высказывались за автономію Польши съ тѣмъ, чтобъ между Привислинскимъ краемъ и остальными частями Россіи была проведена таможенная граница. Но выгодно-ли покупать цѣной предоставленія Польшѣ автономіи и недопуска, слѣдовательно, русскихъ товаровъ въ Польшу (ибо въ случаѣ возстановленія таможенной границы съ русской стороны была-бы устроена таможенная граница и съ польской) устраненіе конкурренціи варшавскихъ и лодзинскихъ фирмъ съ московскими на внутреннихъ и восточныхъ рынкахъ? Много-ли выиграла-бы Россія отъ этого—еще большой вопросъ,

но отъ предоставленія автономіи она потеряла бы слишкомъ много, и автономія Польши была-бы неисчерпаемымъ источникомъ осложненій и недоразумѣній въ русско-польскихъ отношеніяхъ, и какъ въ прошломъ, такъ и теперь, не разрѣшила-бы польскаго вопроса, не успокоила-бы поляковъ. Разрѣшеніе польскаго вопроса заключается вовсе не въ предоставленіи нашей Польшѣ автономіи, а въ выдѣленіи ея изъ состава Россіи, но это станетъ возможнымъ лишь при извѣстномъ измѣненіи политической карты Европы.

„Дѣйствительный миръ Европы,—писалъ Б. Н. Чичеринъ въ своемъ „Курсѣ государственной науки“, —будетъ обезпеченъ лишь тогда когда существующимъ народнымъ стихіямъ дозволено будетъ группироваться по своимъ естественнымъ стремленіямъ и наклонностямъ. Тогда возродятся и подавленныя нынѣ мелкія государства, которыя смягчатъ столкновенія крупныхъ. Тогда, можно думать, возродится и Польша, которой исчезновеніе было несчастіемъ не только для нея самой, но и для европейскаго равновѣсія. Въ настоящее время болѣе, нежели когда-либо между Россіей и Германіей нуженъ буферъ, также какъ между Германіей и Франціей. Этого требуетъ и здраво понятый интересъ Россіи, которой съ ея 130-милліоннымъ населеніемъ, нечего опасаться слабаго сосѣда, имѣющаго вдобавокъ враждебную ему многомилліонную имперію съ другой стороны“. (т. III. стр. 69).

Возстановленіе самостоятельной Польши, о чемъ говоритъ Чичеринъ, дѣйствительно, избавило-бы Россію отъ тѣхъ экономическиихъ и стратегическихъ неудобствъ, на которыя указываетъ сен. Евреиновъ, но автономія Польши вовсе не избавила-бы Россію отъ обязанности стратегической обороны Польши, а нѣкоторыя экономическія неудобства можно устранить и не прибѣгая къ автономіи. Б. Н. Чичеринъ говоря о возстановленіи Польши, забылъ, однако, что рядомъ съ Польшей кромѣ Германіи есть и Австрія, власть въ которой хотятъ захватить поляки и въ которой они уже и теперь играютъ значительную роль. А усиленіе Австріи, въ составъ которой поляки охотно включили-бы Царство Польское, чтобы усилиться въ ней, вовсе не въ интересахъ Россіи и не въ здраво понятыхъ интересахъ славянства. Но если Австріи суждено пасть и быть раздѣленной, не можетъ быть причинъ протестовать противъ возстановленія самостоятельной Польши изъ польской Галиціи и Силезіи съ тѣмъ, чтобы русская часть Галиціи отошла къ Россіи. Въ такомъ случаѣ не противорѣчило-бы интересамъ Россіи и присоединеніе къ возродившимуся польскому государству русской части Польши, разумѣется, съ удержаніемъ Холмско-Подляшской Руси въ предѣлахъ Россіи и съ установленіемъ удобной границы.

Въ своей написанной слишкомъ размашисто, съ большими преувеличеніями, книгѣ г.

Дмовскій нѣсколько разъ заявляетъ что независимо отъ воли и желанія Россіи скоро наступитъ моментъ, когда польскій вопросъ выдвинется впередъ. Что подразумѣваетъ г. Дмовскій подъ этимъ моментомъ,—онъ не объясняетъ. Новое возстаніе? Но г. Дмовскій вполнѣ опредѣленно высказывается теперь противъ возстаній. Войну Россіи съ Германіей? Но по мнѣнію г. Дмовскаго, Россія не можетъ воевать теперь, и у Германіи нѣтъ желанія воевать съ Россіей: ей пока нужно экономическое подчиненіе Россіи. А, можетъ быть, г. Дмовскій подъ этимъ моментомъ, подразумѣваетъ распаденіе Австріи? Открыто говоритъ объ этомъ въ книгѣ, изданной въ австрійскомъ Львовѣ, ему, разумѣется, нельзя было. Конечно, въ случаѣ распаденія Австріи польскій вопросъ настойчиво выдвинулся-бы впередъ и потребовалъ-бы перерѣшенія, и въ такомъ случаѣ, возстановленіе самостоятельной Польши не могло бы вызвать разумныхъ препятствій, но предоставленіе полякамъ автономіи при сохраненіи русской Польши въ составѣ Россіи было-бы крупной ошибкой, которая не разрѣшила-бы польскаго вопроса, а осложнила-бы русско-польскія отношенія и повела-бы къ новому пролитію крови.

Автономія—это полу-мѣра, и нигдѣ автономіи прочно не привязывали чужихъ народовъ къ государству, а лишь усиливали въ нихъ присущее всѣмъ народамъ стремленіе къ политической не-

зависимости. Всякій народъ, лишенный политической самостоятельности, добиваясь автономіи, видѣлъ въ ней лишь временную переходную ступень къ политической независимости и, достигнувъ автономіи, старался всячески расширить ее, стремясь къ полной независимости.

X.

И г. Дмовскій, и нѣкоторые русскіе публицисты, высказывающіеся за польскую автономію, иногда доказываютъ, что русская національная политика въ Польшѣ не дала никакихъ положительныхъ результатовъ. Но крупные культурно-экономическіе успѣхи Привислинскаго края въ періодъ русской національной политики съ 1831 по 1856 и съ 1864 по 1904 несомнѣнны. При всемъ нежеланіи признать эти успѣхи въ періодъ времени съ 1864 г., г. Дмовскій долженъ однако согласиться, что Россія дала Привислинскому краю „благодѣтельную" реформу, которая имѣла много важныхъ послѣдствій, что съ 1864 г. промышленность сдѣлала въ Польшѣ большіе успѣхи. Отсылая читателей, интересующихся этой стороной вопроса къ цифрамъ труда проф. Есипова „Привислинскій край" (Врш. 1907 г.), я остановлюсь на другой сторонѣ а именно на томъ, какое политическо-воспитательное вліяніе оказала на поляковъ русская національная политика.

Какъ замѣчено выше, со времени раздѣловъ Польши среди поляковъ наблюдались два теченія: одно болѣе умѣренное, стремившееся вернуть независимость Польшѣ постепенно и готовое удовлетвориться на время автономнымъ устройствомъ польскихъ областей въ тѣхъ государствахъ, въ составъ которыхъ вошли области бывшаго польскаго государства, и даже меньшимъ, а второе болѣе рѣшительное, настаивающее на немедленномъ возстановленіи независимой Польши. Перевѣсъ до послѣдняго времени былъ на сторонѣ второго теченія. Русская національная политика не могла въ 80 лѣтъ, въ теченіе которыхъ она примѣнялась съ перерывами и колебаніями, кореннымъ образомъ перевоспитать поляковъ и ихъ чувства, но во всякомъ случаѣ она оказала на чувства и строй мыслей поляковъ большое вліяніе. Въ частности это вліяніе сказалось и на всепольской партіи. Эта партія генетически связана съ „демократической партіей“, которая всегда стремилась къ немедленному возстановленію Польши, включая въ нее и западныя губерніи, образовавшись въ 1886 г., съ того времени до 1906 года настойчиво проводила мысль о немедленномъ возстановленіи Польши и въ надеждѣ на это подготовляла возстаніе Польши, завязывала сношенія съ Японіей. Неудача послѣдняго польскаго возстанія 1904—1906 гг. и опредѣленное заявленіе русскаго правительства въ 1905 году въ разгаръ безпорядковъ, что Россія не

пойдетъ по пути автономій, а останется вѣрной объединительной государственной политикѣ, отрезвили ее, и она приняла значительную часть программы автономистовъ, довольствуясь теперь автономіей. Въ этомъ серіозная побѣда русской объединительной политики, но многочисленная и подвижная всепольская партія, имѣвшая въ послѣдніе годы сильное вліяніе на поляковъ, теперь, когда наступаетъ успокоеніе въ Россіи, уже начинаетъ терять кредитъ въ Польшѣ, такъ какъ поляки убѣждаются, что эта партія не дала имъ того, къ чему стремилась и что обѣщала. Несмотря на значительное „побѣлѣніе“ и „поправѣніе“ партіи г. Дмовскаго, большинство въ Польшѣ склоняется теперь на сторону болѣе умѣренныхъ программъ, чѣмъ нынѣшняя программа г. Дмовскаго, и всеполякамъ въ настоящее время ужъ не удастся вызвать демонстраціи и безпорядки, которые они вызывали еще недавно. И если Россія будетъ твердо стоять на принятой точкѣ зрѣнія по отношенію къ Польшѣ, не испугается польскихъ запугиваній Германіей и не повѣритъ невозможному, т. е. тому, что русская національно-государственная политика есть политика нѣмецкая, то въ Польшѣ выдвинутся и окрѣпнуть болѣе умѣренные элементы, чѣмъ всеполяки.

Лидеръ всеполяковъ хочетъ увѣрить своихъ читателей, что Россія недоумѣваетъ, что ей дѣлать съ Польшей, и убѣдить, что она можетъ управлять Польшей только при помощи военнаго положенія и

не видитъ исхода изъ этого положенія (стр. 19). Между тѣмъ чортъ вовсе не такъ страшенъ, какъ его малюетъ г. Дмовскій, положеніе вовсе не столь трагично. Значительная часть поляковъ, убѣдившись, что Польша теперь не будетъ возстановлена, и что Россію нельзя заставить ввести автономію путемъ демонстрацій и террора, заинтересована въ успокоеніи края, а съ успокоеніемъ его, конечно, будетъ снято военное положеніе. Русская національная политика, требующая, чтобы въ Польшѣ были русскія правительственныя учрежденія, русскіе суды, русское управленіе желѣзныхъ дорогъ и русскія школы, вовсе не требуетъ, чтобы Привислинскій край управлялся неизмѣнно той бюрократической системой, которая примѣнялась тамъ до 1904 г. Эта система была поддерживаема прежде всего, фанатическимъ упорствомъ руководителей польской политики въ возбужденіи вражды противъ Россіи и всего русскаго. Но русская національная политика вовсе не исключаетъ возможности введенія въ Польшѣ городского и земскаго самоуправленія, конечно, при условіи успокоенія края и готовности поляковъ идти на встрѣчу русскимъ государственнымъ требованіямъ. Программа русской политики въ Польшѣ въ настоящее время ясна: введеніе мѣстнаго самоуправленія, но безъ ущерба для русскихъ государственныхъ интересовъ, съ обезпеченіемъ интересовъ мѣстныхъ русскихъ и, разумѣется, съ выдѣленіемъ изъ состава Привислинскаго края Холмско-Подляшской Руси.

Всепольская партія отвѣчаетъ на это, что поляки не могутъ примириться съ русскими правительственными учрежденіями въ Польшѣ и съ русской школой. По извѣстіямъ изъ Варшавы, уже объявленъ бойкотъ открывающемуся вновь варшавскому университету. Безпорядки, которые захотятъ производить поляки съ цѣлью закрыть университетъ, конечно, должны быть останавливаемы, какъ всякіе безпорядки. Что-же касается агитаціи противъ поступленія поляковъ въ варшавскій университетъ то этой агитаціей нечего смущаться. Отказываясь отъ поступленія въ варшавскій университетъ, мѣстные поляки наказываютъ прежде всего самихъ себя. Планъ у этихъ агитаторовъ, безспорно, такой: пусть поляки не поступаютъ въ университетъ; пользуясь этимъ, польскіе депутаты внесутъ въ Государственную Думу запросъ о варшавскомъ университетѣ съ заявленіемъ, что варшавскій русскій университетъ не нуженъ, такъ какъ мѣстные поляки не учатся въ немъ. Но сли этотъ подходъ не удастся, поляки начнутъ поступать въ университетъ, такъ какъ само собой ясно, что они могутъ отказываться отъ поступленія въ варшавскій университетъ 3—5 лѣтъ, а если убѣдятся, что Россія проявляетъ настойчивость въ этомъ дѣлѣ, то откажутся отъ политики пассивнаго бойкота. Весь вопросъ въ томъ, чья настойчивость пересилитъ— русская или польская.

Г. Дмовскій говоритъ, что отношенія между народами опредѣляются силой и слабостью, и счи-

тая Россію *слабой* во многихъ отношеніяхъ, а поляковъ сильными настойчивостью, политическимъ опытомъ и культурнымъ превосходствомъ, убѣжденъ, что его партія заставитъ Россію поступать такъ, какъ она хочетъ. Я-же позволяю себѣ вѣрить, что Россія не такъ слаба, какъ въ томъ хочетъ увѣрить г. Дмовскій, и что она будетъ поступать такъ, какъ подсказываютъ здраво понятые интересы русскаго народа и государства, человѣколюбіе и интересы славянства, а не какъ хочется всеполякамъ.

XI.

Какъ бы ни увѣряли поляки въ извѣстные моменты и въ извѣстныхъ случаяхъ въ противномъ, несомнѣнно, что всѣ польскія партіи, начиная съ польскихъ соціалистовъ, продолжая всеполяками (народовцами) и кончая реальными политиками (угодовцами), стремятся къ возстановленію польскаго государства, идя къ этой конечной цѣли разными путями. И нельзя упрекать ихъ за это стремленіе, такъ какъ всякій народъ стремится къ политической самостоятельности. Русскій націонализмъ, желая обезпечить національную независимость и самостоятельностъ русскаго народа, не можетъ не сочувствовать подобнымъ-же стремленіямъ другихъ народовъ - тѣмъ болѣе славянскихъ Г. Дмовскій, совершенно не понимающій или притворяющійся непонимающимъ историческихъ стремленій русскаго народа, отрицающій у него политическое творчество и увѣряющій, что русское государство создано не русскимъ народомъ, а „особымъ устройствомъ государственной машины (стр. 213, — но

кто-же создалъ эту машину?), забылъ, что русская *національная* политика, которая, по его увѣренію, служитъ нѣмецкимъ цѣлямъ, возродила политическую независимость Сербіи и Болгаріи и обезпечила неприкосновенность Черногоріи. Русскіе съиграли видную роль въ развитіи славянской идеи и, политически освободивъ восточныхъ славянъ, дѣятельно поддерживали многихъ западныхъ въ борьбѣ ихъ за народность. Оставаясь вѣрными задачамъ своей національной политики, которая не можетъ противорѣчить понятіямъ и интересамъ славянъ, русскіе націоналисты не могутъ не сочувствовать и стремленіямъ поляковъ къ независимости. Но не всякое желаніе во всякое время осуществимо, и было-бы непростительной ошибкой съ русской стороны идти на встрѣчу стремленіямъ тѣхъ поляковъ, которые хотятъ, возстановляя Польшу, поработить ей русскія земли, и тѣхъ, которые стремятся возстановить Польшу, захвативъ власть въ Австріи и обративъ Австрію въ западно-славянскую имперію, по указкѣ которой шла-бы Россія, отстаивая ее отъ Германіи и подчиняясь ей культурно, экономически и политически. Это давній замыселъ многихъ поляковъ. А когда Россія понесла пораженія въ войнѣ съ Японіей, когда въ ней вспыхнула безобразная революція. когда обнаружилось шатаніе національнаго чувства, нѣкоторымъ польскимъ, а также, къ сожалѣнію, и чешскимъ политикамъ показалось, что они призваны быть политическими менторами русскихъ, что пользуясь ослабленіемъ на-

ціональной воли русскихъ, можно продиктовать намъ то, чего они хотятъ, и мы безпрекословно исполнимъ ихъ велѣнія. Но поляки (и одни-ли поляки изъ славянъ?), проявляя много различныхъ способностей, въ то-же время плохіе государственники, плохіе политики. Польскіе политическіе планы всегда отличаются хитрыми комбинаціями, но къ побѣдамъ на поляхъ сраженій обыкновенно ведутъ не сложные, а простые стратегическіе планы: то-же и въ политикѣ. Герою польской популярной легенды, вѣрно отразившей нѣкоторыя свойства ума и характера поляковъ, пану Твардовскому казалось, что онъ перехитрилъ дъявола, а между тѣмъ ему не удалось избѣжать дьявольскихъ лапъ. Въ послѣднія десятилѣтія западные славяне (чехи —больше, поляки—меньше, но во всякомъ случаѣ и поляки), сдѣлали большія культурныя пріобрѣтенія, научились общественной дисциплинѣ и выдержкѣ, и въ этихъ отношеніяхъ намъ есть чему у нихъ поучиться, но имъ надо оставить попытки поучать насъ въ вопросахъ международной политики.... Ключъ къ рѣшенію судьбы всѣхъ западныхъ славянъ и въ частности поляковъ лежитъ въ Австріи, и когда созрѣетъ австрійскій вопросъ, тогда рѣшится и западно-славянскій. Если поляки хотятъ идти по вѣрному пути къ достиженію своихъ національныхъ цѣлей то пусть они помнятъ, что этотъ путь не заключается въ ослабленіи Россіи, чтó они и признали на пражскомъ всеславянскомъ совѣщаніи, а въ

подготовкѣ и созданіи условій, при которыхъ оказалась бы возможность содѣйствовать возстановленію Польши. Предлагаемая формула окончательнаго рѣшенія польскаго вопроса, конечно, вовсе не призываетъ австрійскихъ поляковъ къ нарушенію обязательствъ по отношенію къ австрійской государственности, пока не выдвинулся впередъ австрійскій вопросъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ русскіе поляки должны считаться съ требованіями русской государственности, и всѣмъ вообще полякамъ слѣдуетъ понять, что судьба польскаго вопроса тѣсно связана съ австрійскимъ вопросомъ.

Недуги Россіи послѣднихъ лѣтъ и наши культурные недочеты дали поводъ нѣкоторымъ польскамъ и другимъ славянскимъ дѣятелямъ чуть-ли не совсѣмъ отрицать русскую культуру и ея значеніе. Этимъ непризнаніемъ русской культуры отмѣчена и книга г. Дмовскаго.

XII.

Лубочные пріемы мысли г. Дмовскаго и его лубочная манера писать, обусловливающая преувеличенія и другіе недостатки его книги, привела его, между прочимъ, къ преувеличенію значенія польскаго вопроса для Россіи. Вопросъ этотъ для насъ одинъ изъ важныхъ, но вовсе не центральный, а между тѣмъ г. Дмовскій придаетъ въ своей книгѣ этому вопросу такое значеніе, точно отъ разрѣшенія его зависитъ быть иль не быть Россіи, точно въ этомъ вопросѣ альфа и омега будущности Россіи. Будущность Россіи зависитъ прежде всего отъ запаса жизненныхъ силъ русскаго народа, отъ успѣховъ его національнаго самосознанія, и въ этихъ успѣхахъ лѣкарство отъ всѣхъ нынѣшнихъ недомоганій Россіи. Что-же касается польскаго вопроса, то онъ имѣетъ центральное значеніе для поляковъ, а не для русскихъ, и потому поляки прежде всего заинтересованы въ его разрѣшеніи. Въ глазахъ Россіи роль его второстепенная, и если настоящее положеніе

его представляетъ для насъ извѣстныя неудобства, то во всякомъ случаѣ такія, съ которыми можно мириться извѣстное время. Россію могутъ побуждать къ окончательному разрѣшенію этого вопроса не столько эти неудобства, сколько желаніе пойти на встрѣчу естественнымъ стремленіямъ поляковъ къ независимости. Но, повторяю, удовлетвореніе этихъ стремленій станетъ возможнымъ лишь тогда, когда поляки разстанутся съ планомъ создать изъ Австріи въ противовѣсъ Россіи западно-славянское государство подъ управленіемъ поляковъ, и когда настанетъ время рѣшенія чешскаго и другихъ славянскихъ вопросовъ. Поляки сдѣлали шагъ впередъ, сознавъ, повидимому, насколько можно судить по книгѣ г. Дмовскаго „Германія, Россія и польскій вопросъ", живую связь польскаго вопроса съ общеславянскимъ, но, выдвигая теперь такъ называемое австрійское славянофильство, они продолжаютъ стоять на ошибочной почвѣ. Славянофильство этого типа не приведетъ къ окончательному разрѣшенію польскаго вопроса, не облегчитъ разрѣшенія его. Оно лишь осложняетъ этотъ вопросъ и оттягиваетъ разрѣшеніе его, точно также, какъ и хлопоты поляковъ добиться автономіи въ Россіи. Относительно автономіи они, правда, могутъ возразить, что если нѣтъ основаній со временемъ противиться возстановленію Польши въ ея этнографическихъ границахъ, то почему-же не согласиться теперь на предоставленіе этнографически-польскому краю который въ концѣ

концовъ отойдетъ отъ Россіи, автономіи, какъ переходной ступени къ болѣе широкой политической самостоятельности. Отвѣтъ на этотъ вопросъ ясенъ изъ предыдущихъ страницъ этой книжки: нигдѣ автономія не улучшала отношеній между государствомъ и основнымъ населеніемъ его съ одной стороны и народомъ, получившимъ автономію съ другой, и предоставленіе Россіей автономіи Польшѣ повело-бы къ обостренію русско-польскихъ отношеній, что могло-бы оттянуть окончательное разрѣшеніе польскаго вопроса и создать большія осложненія и трудности въ моментъ окончательнаго разрѣшенія этого вопроса. Автономія —полу-мѣра, а всякія полумѣры ведутъ лишь къ недоразумѣніямъ и осложненіямъ; рѣшеніе польскаго вопроса заключается въ возстановленіи политической независимости поляковъ, къ чему поляки и стремятся разными способами и путями, а осуществленіе этой задушевной мечты поляковъ находится въ связи съ рѣшеніемъ австрійскаго вопроса. Въ этомъ направленіи и должна работать польская мысль, въ эту сторону должны устремляться польскія надежды. Россіей принесено много жертвъ славянамъ, но русскій народъ не можетъ согласиться на ослабленіе Россіи, а всякій иной способъ рѣшенія польскаго вопроса повлекъ бы за собой ослабленіе ея, что-бы ни говорили польскіе автономисты и ихъ русскіе союзники. У поляковъ въ прошломъ много тяжелыхъ разочарованій, и если они не хотятъ пережить новыхъ, пусть не пытаются строить свою

будущность на политической недогадливости русскаго народа, на ослабленіи русской національной воли и національнаго сознанія, на союзѣ съ антинаціональными элементами въ Россіи. Такіе расчеты нѣкоторыхъ ихъ руководителей легко могутъ привести къ проигрышу, какъ проигралъ свою игру легендарный польскій герой панъ Твардовскій.

